№ 30. — «Библіотека Русскаго Пролетарія». — № 30.

Les mémoirs de A. D. Mihaïloff.

Prix 30 коп., 80 cent., 70 pf.

А. Д. МИХАЙЛОВЪ

ВОСПОМИНАНІЯ

ЖЕНЕВА

Изданіе Г. А. Куклина.

15, rue de Candolle.

1903

№ 30. — «Библіотека Русскаго Пролетарія». — № 30.

А. Д. МИХАЙЛОВЪ

ВОСПОМИНАНІЯ

ЖЕНЕВА
Изданіе Г. А. Куклина.
116, rue de Carouge.
1903

АЛЕКСАНДРЪ ДИМИТРІЕВИЧЪ МИХАЙЛОВЪ

(*Автобіографическія замѣтки* *).

С самыхъ раннихъ лѣтъ моей юности надъ моей головой блистала счастливая звѣзда. — Дѣтство мое было одно изъ самыхъ счастливыхъ, которое выпадаетъ на долю человѣка. Не могу не сравнить его съ лучезарной весной, которая не знаетъ ни бурь, ни непогодъ, въ которой не встрѣчается почти пасмурныхъ дней. Я не подвергался ни ломкѣ, ни вреднымъ вліяніямъ. Родительскій домъ былъ поистинѣ благословенный міръ, въ которомъ царствовало согласіе и любовь всѣхъ членовъ между собой, изъ котораго были исключены пагубныя страсти и дурные примѣры, которые могли бы дѣйствовать развращающимъ образомъ на насъ, дѣтей. Да, счастіе нашей семьи было такъ полно, что иногда казалось, что оно польется черезъ край.—Бывали минуты, когда дѣтскому сердцу трудно было вмѣстить всю любовь и радость, которыя возбуждало въ немъ окружающее. И теперь, въ зрѣлые года **), я также горячо люблю своихъ милыхъ, умныхъ стариковъ...***)

Мой отецъ воспитывался въ Петербургскомъ Лѣсномъ Институтѣ; у него въ Петербургѣ не было никого изъ близкихъ, и онъ сильно нуждался. Трудно ему было переносить бездомную одинокую жизнь и онъ

---

*) Рукопись получена изъ ред. «Нар. Воли».

**) Во время составленія замѣтокъ А. Д. имѣлъ только 24 года. На видъ онъ казался однако гораздо старше, лѣтъ 30 и даже больше. Такъ, лѣтъ около 30, онъ значился всегда и по фальшивымъ паспортамъ.

***) Послѣ ареста А. Д., во время заключенія въ крѣпости, родители пріѣзжали навѣстить его и встрѣча была дѣйствительно самая теплая, родственная.

утѣшалъ себя мыслью, что когда станетъ на ноги, то найдетъ себѣ любящую жену и обзаведется семействомъ. По окончаніи курса онъ получилъ мѣсто землемѣра въ Курской губ. и женился въ Путивлѣ на дочери помѣщика, изъ семейства Вербицкихъ. Въ Путивлѣ же они остались жить. Въ ихъ союзѣ было много гармоніи: отецъ обладалъ веселымъ безмятежнымъ характеромъ, у матери была глубоко-любящая натура и большая сила воли. Служба отца была тяжелая, онъ постоянно находился въ разъѣздахъ и домой пріѣзжалъ лишь на короткое время на отдыхъ; со временемъ они пріобрѣли домъ на окраинѣ города съ большимъ и прекраснымъ садомъ, и тутъ-то мы всѣ и выросли, почти въ деревенской обстановкѣ. Мать сама занималась нашимъ воспитаніемъ; она читала всѣ книги о воспитаніи, которыя въ то время были въ ходу и выработала на основаніи ихъ систему. Мы пользовались полной свободой, но при всей любви и заботливости, которыми насъ окружали, насъ не баловали и не нѣжили.

Я былъ первенцомъ и меня и старшую сестру рано начали учить; сначала мать сама, а потомъ учитель, который жилъ у нашихъ сосѣдей. Съ сестрой мы были большіе друзья и въ ученіи соревновали другъ другу, она быстрѣе схватывала и понимала, но я глубже усваивалъ преподаваемые предметы и никогда не забывалъ выученнаго. Вскорѣ у меня появились товарищи: сосѣдскій сынъ, съ которымъ я вмѣстѣ учился и Александръ Ивановичъ Баранниковъ*), который жилъ тоже по сосѣдству съ нами и который остался моимъ другомъ и товарищемъ на всю жизнь. Въ дѣтствѣ я былъ большой шалунъ; такъ теперь помню сцены, которыя повторялись каждый день по дорогѣ изъ дому къ сосѣдямъ, гдѣ я учился. Путь мой лежалъ мимо двора, который славился большими, злыми собаками. Для меня составляло истинное наслажденіе вступать въ борьбу съ злыми животными; я прятался въ высокой травѣ и оттуда кидалъ въ нихъ камни; псы приходили въ ярость, бросались ко мнѣ и завязывался рукопашный бой! Я отбивался палками, и часто меня

---

*) Баранниковъ осужденъ по одному процессу съ Михайловымъ (въ Особомъ Присутствіи сената, засѣданіе началось 9 февр. 1882 г.).

спасали отъ явной опасности быть разорваннымъ на части. — Природа мнѣ была дорога*) и близка: въ періодъ ранней юности я былъ настоящимъ деистомъ. Даже въ моментъ моего перехода къ соціализму, природа играла нѣкоторую роль, покрайней мѣрѣ происходило это передъ ея лицомъ. Я и товарищи мои по гимназіи въ Новгородъ-Сѣверскѣ, мы имѣли обыкновеніе собираться для чтенія и бесѣдъ на живописномъ берегу Десны. Любовь къ природѣ какъ то незамѣтно переходила въ любовь къ людямъ; являлось страстное желаніе видѣть человѣство столь-же гармоничнымъ и прекраснымъ, какъ сама природа, являлось желаніе для этого счастія жертвовать всѣми силами и своей жизнью. Здѣсь въ виду синяго неба, ясныхъ водъ, рѣки и лѣса, тянувшагося по берегу, я далъ себѣ тайную клятву жить и умереть для народа. Полнота счастья въ родительскомъ домѣ имѣла большое вліяніе на складъ моей жизни, сердце мое не искало личныхъ страстей и сохранило всѣ свои силы для общественной дѣятельности. Въ 1876 г. я въ первый разъ встрѣтилъ женщину, къ которой почувствовалъ глубокую привязанность, это незабвенная Ольга Натансонъ. Но она страстно любила своего мужа, съ своей стороны я безпредѣльно любилъ и чтилъ Марка и дорожилъ его счастьемъ, поэтому мои чувства къ Ольгѣ не перешли за предѣлы живѣйшей дружбы**).

---

*) Намъ пришлось слышать отзывъ Желябова, подтверждающій эти слова. «Михайлова, говорилъ Желябовъ, многіе считаютъ человѣкомъ холоднымъ, съ умомъ математическимъ, съ душою чуждою всего, что не касается принципа. Это совершенно невѣрно. Я теперь хорошо узналъ Михайлова. Это—поэтъ, положительно поэтъ въ душѣ. Онъ любитъ людей и природу одинаково конкретно, и для него весь міръ проникнутъ какою-то чисто человѣческою, личною прелестью. Онъ даже формалистомъ въ организаціи сдѣлался именно, какъ поэтъ: организація для него — это такая же личность, такой же дорогой для него «человѣкъ», дѣлающій притомъ великое дѣло. Онъ заботился о ней съ такой же страстной, внимательной до мелочей преданностью, съ какой другіе заботятся о счастіи любимой женщины».

**) А. Д. имѣлъ много хорошихъ товарищей, но въ особенно дружескихъ отношеніяхъ дѣйствительно ни съ кѣмъ не состоялъ. Что касается собственно «сердечныхъ привязанностей», то въ послѣднее время говорили о его близкихъ отношеніяхъ съ г-жею А. (имени ея не называемъ). Насколько это вѣрно, не знаемъ, но дѣйствительно у А. Д., по отношенію къ ней, видно было какое то экстраординарное

Въ періодъ юности и пребыванія въ гимназіи для меня еще не существовало правительство, а было только начальство; но я чувствовалъ уже тяжесть условій русской жизни. Во время моего поступленія въ провинціальную гимназію, въ ней царствовалъ хаосъ и нѣмецкій духъ. Начальство часто безъ причины оскорбляло человѣческія чувства дѣтей, стараясь поддерживать дисциплину страхомъ. Большинство учителей манкировало занятіями, когда же наступали экзамены, эта гроза ученической жизни, старалось жать то, чего не сѣяло. Я учился удовлетворительно, но положеніе въ гимназіи меня тяготило и подавляло, я считалъ ее бременемъ. Какъ человѣкъ впечатлительный и привыкшій въ семьѣ къ самой строгой справедливости, я шелъ обыкновенно каждое утро въ гимназію съ внутреннимъ трепетомъ, ожидая непредвидѣнныхъ начальственныхъ криковъ, оскорбленій и наказаній. Такое неудовлетворительное состояніе и нѣкоторая пытливость двинули меня на путь саморазвитія. Лѣтъ съ четырнадцати для меня открылся новый міръ, міръ литературы. Потребность въ умственной жизни и любознательность нашли въ немъ полное удовлетвореніе. Отправивъ тяжелыя гимназическія обязанности, свободное время я проводилъ за книгами, или старался вырваться въ поле или въ лѣсъ и наслаждаться свободой и природой. Самообразованіе дало мнѣ много. Въ послѣднемъ классѣ, хотя условія уже измѣнились къ лучшему съ перемѣною начальства, я сталъ выше многихъ по развитію. Во мнѣ явилось неотразимое желаніе приносить другимъ пользу. Это пробужденіе общественныхъ чувствъ замѣчалось не у одного меня; нѣсколько близкихъ товарищей отвѣчали мнѣ по своему развитію и направленію. Въ личныхъ отношеніяхъ я былъ большой и непреклон-

---

расположеніе, а г-жа А. относилась къ нему съ уваженіемъ, переходящимъ даже въ нѣкоторое обожаніе. Это во всякомъ случаѣ единственная привязанность А. Д. въ такомъ родѣ (если она здѣсь была). Вообще онъ былъ въ этомъ отношеніи большой идеалистъ и ригористъ. Банальныхъ связей съ женщиной онъ не допускалъ. Намъ лично приходилось слышать отъ него: «Не понимаю, какъ это можно сойтись, не любя. Это просто противно». Впрочемъ, въ «большой публикѣ» А. Д. своего ригоризма не проповѣдывалъ, и на словахъ, незнакомому человѣку, могъ показаться даже немножко циникомъ.

ный идеалистъ, въ общественной дѣятельности я всегда оставался практикомъ съ постоянными организаціонными стремленіями. Эта организаторская страсть проявилась во мнѣ еще въ 5 классѣ гимназіи: съ 3-мя или 4-мя товарищами, мы задумали издавать журналъ, я принималъ дѣятельное участіе въ сношеніяхъ кружка для этого. Дѣло наше прогорѣло: изданъ былъ только первый номеръ рукописнаго журнала и то въ немногихъ экземплярахъ, но за то съ той поры моей жизни не было періода, въ который я что нибудь, во имя чего нибудь не организовалъ. Вслѣдъ за журналомъ, я участвовалъ въ организаціи кружка самообразованія, потомъ въ тайной гимназической библіотекѣ. Затѣмъ насталъ періодъ недовольства окружающею жизнью и начальствомъ, недовольства уже вполнѣ сознательнаго (это относится уже къ 7-му классу). Отсюда истекала дѣятельная агитація среди высшихъ классовъ гимназіи и организація протестовъ противъ учителей идіотовъ и самодуровъ. Ко времени пребыванія въ 7-мъ классѣ также относится организація кружка полуреволюціоннаго, имѣвшаго цѣлью помогать пропагандистамъ деньгами (хотя о пропагандистахъ мы имѣли тогда такое же понятіе, какъ о какихъ-нибудь иностранныхъ партіяхъ) и распространять въ народѣ популярныя изданія, ради его просвѣщенія. Первая изъ этихъ цѣлей осталась для насъ недостижимой, а вторую задачу мы выполняли очень удачно: черезъ насъ въ народъ проникло множество хорошихъ книгъ, на многія сотни рублей. Мои усилія были направлены къ тому, чтобы создать правильныя отношенія въ кружкѣ, ввести въ него строгіе принципы обязательности и т. д. Болѣе широкая дѣятельность этого кружка связана съ 8-мъ классомъ гимназіи, когда мы начали читать запрещенныя изданія, присланныя мнѣ изъ Москвы. Манкируя занятіями латинскимъ языкомъ, я передъ окончательными экзаменами долженъ былъ уволиться изъ гимназіи и держать ихъ въ другой (въ Немировской безъ древнихъ языковъ). Это дало мнѣ возможность за три мѣсяца пребыванія въ новой для меня гимназіи организовать тамъ кружокъ, на подобіе нашего. Въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи время нашего пребыванія навсегда окрещено начальствомъ «нашествіемъ пропагандистовъ». Лучшіе мои

товарищи тогдашняго времени жестоко поплатились за свою незначительную политическую дѣятельность. Любовинъ осужденъ и сосланъ въ Сибирь, Москотинъ тоже, третій отдѣлался 2-мя годами тюрьмы. Если вспомнить, что они ничего не сдѣлали, то невольно спрашиваешь себя: какой-же кары найдетъ меня достойнымъ русское правительство?

Какъ только я очутился осенью 1872 г. въ Петербургѣ, то сейчасъ же началъ общественную дѣятельность. Я чувствовалъ себя свободнымъ и самостоятельнымъ—гимназическіе узы пали. Со страстію я отдался организаціи студенческихъ кружковъ саморазвитія и помощи пропагандистамъ. Усиліями нѣсколькихъ человѣкъ, мѣсяца черезъ два послѣ моего поступленія въ Технологическій Институтъ, составился студенческій союзъ съ кассой и федеративными кружками въ Медицинской Академіи, въ Павловскомъ училищѣ, въ Университетѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ волненіямъ въ Технологическомъ институтѣ я относился индифферентно, ибо не видѣлъ отъ нихъ пользы; но когда закрыли первый курсъ и требовали подачи новыхъ прошеній, ихъ 140 человѣкъ только, я и мои товарищи отказались исполнить эти требованія, ибо начальство думало этимъ . . . .*) студентовъ. За это я поплатился высылкой на родину, пробывъ въ Петербургѣ только три съ половиной мѣсяца. Я чувствовалъ себя хорошо, удовлетворительно, хотя испытаніе для тогдашняго моего умственнаго и нравственнаго состоянія было порядочное.

На родинѣ я просидѣлъ не болѣе мѣсяца и удралъ въ Кіевъ, за что меня полиція въ Кіевѣ часто тягала по участкамъ. Въ Кіевѣ я встрѣтился въ первый разъ съ настоящими радикалами и притомъ всѣхъ трехъ направленій: пропагандистовъ, бунтарей и якобинцевъ. Познакомившись съ ихъ программами, я не присталъ ни къ одной изъ нихъ. Я искалъ солидной силы, опредѣленной и энергической дѣятельности; въ Кіевѣ же больше препирались о теоріяхъ и личныхъ отношеніяхъ, чѣмъ дѣйствовали. Работали немногія единицы, но тѣ сторонились мало знакомыхъ людей. Собравъ съ цвѣтовъ краснорѣчія весь медъ и вполнѣ

---

*) Слово не разобранное въ рукописи.

сознавая большую пользу, которую принесло мнѣ знакомство съ теоріей революціонной партіи, рѣшившись посвятить себя этой партіи (въ томъ смыслѣ кіевскія знакомства имѣли для меня большое значеніе), я тѣмъ не менѣе не былъ доволенъ. Съ одной стороны я видѣлъ великія цѣли и громадныя задачи, а съ другой— кучки людей, неорганизованныя, несплоченныя, безъ единаго общаго плана, безъ опредѣленныхъ практическихъ задачъ. Я ясно сознавалъ безплодность такого положенія вещей. Доля организаціоннаго чутья, присущая мнѣ, тогда еще неопытному юношѣ, подсказывала, что не въ выработкѣ наивѣрнѣйшей теоріи, а въ совершенно-организованномъ дѣлѣ сила. Рѣшивъ свое отношеніе къ партіи, меня тянуло не въ народъ, что было даже обязательно тогда для каждаго неофита, нѣтъ въ моей головѣ родились смѣлые до дерзости планы — обще-русской организаціи силъ соціально-революціонной партіи. Родились эти планы и поглотили меня вполнѣ. Но я удивляюсь и теперь, какъ такой юнецъ, какимъ я былъ тогда, безъ положенія, безъ извѣстности въ революціонномъ мірѣ, безъ опытности могъ такъ нахально-смѣло отдаться всецѣло такимъ задачамъ, отдаться почти безъ поддержки, по собственной инціативѣ и на свой страхъ. Объ совершенныхъ организаціяхъ партія тогда не думала. Ее интересовалъ народъ, принципы дѣятельности, теоріи. Конечно, мои планы не могли осуществиться въ Кіевѣ, гдѣ уже личная враждебность кружковъ одного къ другому мѣшала этому. Тамъ много было генераловъ и адьютантовъ при нихъ, но не было солдатъ, почти не было дѣятельныхъ революціонныхъ силъ. Но помимо своей воли я принужденъ былъ находиться съ полгода въ Кіевѣ, а сложа руки я сидѣть не могъ. Еще съ первыхъ дней пребыванія тамъ (зима и лѣто 1875—76 гг.), при помощи и участіи студентовъ — своихъ бывшихъ товарищей по гимназіи, мнѣ удалось сплотить студенческій кружокъ самообразованія, на подобіе С.-Петербургскаго, съ кассой помощи революціи, но онъ не могъ поглотить всѣхъ моихъ силъ, а потому я сдѣлалъ попытку положить начало замышляемой широкой сплоченной и дисциплинированной организаціи. Мои мысли и мысли одного якобинца совпали; онъ познакомилъ меня съ Давиденко (казненнымъ) и еще кой

съ кѣмъ. Якобинца, какъ человѣка и революціонную силу, я игнорировалъ, но въ Давиденко я видѣлъ рѣшительнаго человѣка, сблизился съ нимъ и вотъ насъ четыре человѣка задумали покорить революцію міра. Я не могъ вѣрить въ попытку, но для опыта принялся прежде всего за выработку самого себя, чему и отдался горячо. Былъ основанъ этотъ маленькій кружокъ и стали разрабатывать планы. Дѣла мы не сдѣлали, но планы въ нашихъ головахъ выяснились. Въ Кіевѣ же весной 1876 г. я познакомился съ Гольденбергомъ, который меня полюбилъ и съ большой охотой водилъ со мною дружбу. Какъ человѣкъ добрый, преданный дѣлу, онъ мнѣ нравился, но глупость его часто меня бѣсила и смѣшила; у насъ установились нехорошія, протекторскія отношенія, что меня часто смущало и было для меня непріятно, но онъ былъ ими доволенъ. Здѣсь же въ кружкѣ пропагандистовъ я познакомился съ Димитріемъ Андреевичемъ Лизогубомъ, но знакомство у насъ было шапочное (онъ вращался въ кружкѣ Колоткевича, который тогда сидѣлъ въ тюрьмѣ и пользовался уже большой популярностью). Здѣсь же я познакомился съ Стефановичемъ, Капитаномъ, З.—(казненнымъ) и со многими другими бунтарями; нѣсколько недѣль они пользовались, всей своей ордой (съ револьверами, сѣдлами и пр.) моей квартирой. Я видѣлъ, что они приготовляются къ битвѣ, это ясно было и по ихъ внѣшности и по ихъ настроенію. Они нравились мнѣ болѣе всѣхъ кіевлянъ, хотя доходили въ принципахъ до крайностей; свое дѣло они отъ меня скрывали. Я же былъ поглощенъ своими планами, склонности къ которымъ въ нихъ не замѣчалъ.

Лѣтомъ 1876 г. мнѣ разрѣшили вернуться въ Петербургъ, куда несли меня мечты. Возвращался я въ него уже соціалистомъ революціонеромъ. При посредствѣ нѣкоторыхъ кіевскихъ знакомыхъ, я прямо попалъ въ революціонные кружки и въ мѣсяцъ, въ два я имѣлъ уже возможность прикладывать всѣ свои силы къ завѣтнымъ планамъ, которые нашли благодарную почву въ настроеніи петербургскихъ революціонныхъ сферъ. Черезъ посредство самарскихъ особъ, я познакомился со многими видными тогдашними дѣятелями и былъ ими принятъ очень дружелюбно, даже какъ-то «не въ примѣръ прочимъ» дружелюбно и довѣрчиво, чему я

былъ чрезвычайно радъ. Одними изъ моихъ первымъ знакомыхъ были Оболяшинъ и его компанія. Михаилъ Поповъ съ компаніей, Ив — ъ и Соловьевъ, Ольга Натансонъ*) и ея друзья, потомъ Адріанъ Михайловъ и нѣкоторые другіе. Особенно я подружился съ Оболяшинымъ, Ольгой Натансонъ и еще съ нѣкоторыми. Эти нѣсколько человѣкъ вполнѣ были со мной одномыслящи, но такъ какъ среди нихъ были люди во всемъ выше меня стоявшіе, то я сталъ самымъ дѣятельнымъ ихъ помощникомъ. Въ теоріи выдвигалось новое народническое направленіе, чрезвычайно мнѣ сочувственное, на практикѣ строилась организація, соотвѣтствовавшая моимъ мечтамъ. Я пользовался довѣріемъ и могъ прилагать свои силы къ самымъ интимнымъ революціоннымъ дѣламъ. Я былъ счастливъ, что стоялъ на желанной дорогѣ, я уважалъ и высоко цѣнилъ своихъ новыхъ товарищей. Но и въ новой средѣ я, Оболяшинъ и Ольга Натансонъ выдѣлялись горячимъ отношеніемъ къ организаціоннымъ задачамъ. Въ кружкѣ народниковъ, который легъ въ основаніи проэкта организаціи революціонныхъ русскихъ силъ и въ который я, вмѣстѣ съ другими упомянутыми лицами, вошелъ какъ членъ учредитель, всѣ мои помыслы были сосредоточены на расширеніи практической выработки и развитія организаціи. Въ характерахъ, привычкахъ и нравахъ самыхъ видныхъ членовъ нашего общества было много губительнаго и вреднаго для роста тайнаго общества; но недостатокъ ежеминутной осмотрительности, разсѣянности, а иногда и просто недостатокъ воли и сознательности мѣшали передѣлкѣ, перевоспитанію характеровъ членовъ соотвѣтственно организаціи мысли. И вотъ я и Оболяшинъ начали самую упорную борьбу противъ широкой русской натуры. И надо отдать намъ справедливость — едва ли можно было сдѣлать съ нашими слабыми силами болѣе того, что мы сдѣлали. Сколько выпало на нашу долю непріятностей, иногда даже насмѣшекъ**)! Но все таки, въ концѣ концовъ, сама прак-

---

*) Урожденная Шлейснеръ.

**) Такимъ остался А. Д. до конца дѣятельности. Онъ очень хорошо понималъ, что въ Россіи осторожность, осмотрительность и практичность составляютъ для существованія революціонной органи-

тика заставила признать громадную важность для дѣла нашихъ указаній, казавшихся иногда мелкими. Мы также упорно боролись за принципы полной кружковой обязательности, дисциплины и нѣкоторой цен-

---

заціи необходимое условіе. Этихъ качествъ онъ требовалъ отъ каждаго революціонера. Будучи самъ чрезвычайно осмотрителенъ и практиченъ, онъ постоянно замѣчалъ ошибки другихъ, и указывалъ ихъ, конечно. Если же ошибки происходили отъ «распущенности», отъ того, что человѣку становилось скучно или невыносимо постоянно слѣдить за малѣйшимъ своимъ поступкомъ, — то А. Д., для котораго никакая ломка самого себя не казалась невыносимой, если это нужно «для дѣла»,—уже просто возмущался. Онъ считалъ это нечестностью, недостаточностью преданности. Въ позднѣйшія времена (народовольческія уже) А. Д. напримѣръ не находилъ достаточно рѣзкихъ, циничныхъ словъ для одного товарища, который иногда заходилъ провѣдать жену свою, находившуюся подъ надзоромъ: «Онъ шляется къ женѣ, гдѣ его стерегутъ, и могутъ забрать; наконецъ его могутъ прослѣдить и на другія квартиры». Это для него было просто подлостью, тѣмъ болѣе огорчительной, что она исходила отъ человѣка, котораго онъ глубоко уважалъ, Противъ подобной неряшливости А. Д. «немолчно лаялъ», постоянно и всю жизнь оставался какимъ то ревизоромъ революціонной конспираціи. Онъ даже самъ говаривалъ совершенно серьезно: «Ахъ, если бы меня назначили инспекторомъ для наблюденія за порядкомъ въ организаціи». Тамъ, гдѣ А. Д. имѣлъ такое право наблюденія, онъ превратилъ это право въ обязанность для себя. Сплошь и рядомъ онъ слѣдилъ по улицамъ за товарищами, чтобы убѣдиться въ ихъ осторожности. Одинъ такой случай мы помнимъ съ А. Квятковскимъ, который однако замѣтилъ слѣженіе, чѣмъ несказанно обрадовалъ А. Д. Но зато бѣда, если кто нибудь позволялъ прослѣдить себя. Упреки сыпались градомъ. А. Д. буквально «пилилъ» людей ежедневно и ежеминутно за такія провинности. Иногда онъ на улицѣ совершенно неожиданно заставлялъ васъ читать вывѣски и разсматривать физіономіи на разныхъ разстояніяхъ: «Ты не можешь прочесть? Ну, братъ, очки покупай непремѣнно». И потомъ уже дохнуть не дастъ, пока не купишь очковъ. Одинъ близорукій заявилъ, что докторъ запретилъ ему носить очки, подъ страхомъ ослѣпнуть совсѣмъ. А. Д. не умилостивился. «Ну, откажись отъ такихъ дѣлъ, гдѣ нужно посѣщать конспиративныя квартиры. Дѣлай что нибудь другое.» На бѣду оказалось, что человѣкъ нуженъ именно на «такихъ квартирахъ»... «Ну такъ непремѣнно очки, или пенсне. Это обязательно». — «Покорно благодарю, я не желаю ослѣпнуть». А. Д. вспылилъ: «Ослѣпнешь, тогда выходи въ отставку. Намъ изъ за твоихъ глазъ не проваливать организацію», и потомъ обратился ко всѣмъ товарищамъ съ предложеніемъ: *обязать* NN носить очки такого то номера». Такъ слѣдилъ А. Д. за всѣмъ образомъ жизни товарищей. Войдетъ въ квартиру, сейчасъ осмотритъ всѣ углы, постучитъ въ

трализованности. Это теперь всѣми признанныя истины, но тогда за это въ своемъ же кружкѣ могли глаза выцарапать, клеймить якобинцами, генералами, диктаторами и пр. И опять таки сама жизнь поддер-

---

стѣну, чтобы убѣдиться достаточно ли толста, послушаетъ, не слышно ли разговора въ сосѣдней квартирѣ, выйдетъ для того же на лѣстницу. «У васъ народу столько бываетъ, а ходъ всего одинъ: это невозможно»... Еще хуже, если квартира безъ воды: значитъ дворникъ будетъ лишний разъ шляться. За «знаками», т. е. сигналами безопасности, которые снимаются, если квартира въ опасности — А. Д. слѣдилъ страшно: «Вашего знака не видно, у васъ вовсе нельзя устроить знака, что это за комната? Какъ къ вамъ ходить?» Одинъ товарищъ даже смѣялся по этому поводу, увѣряя, что въ исторіи будетъ отмѣчено со временемъ «и пріиде дворникъ, и учреди знакъ» (дворникъ — это прозвище А. Д.). Впрочемъ ни шутки, ни насмѣшки, ни брань нисколько не смущали А. Д. при исполненіи своихъ «обязанностей»! Онъ не обращалъ на все это ни малѣйшаго вниманія, не обижался, не сердился. Иногда случалось, что хозяева расхаенной имъ квартиры не хотѣли даже говорить съ нимъ, и онъ всетаки преспокойно заходилъ въ свое время посмотрѣть, все ли благополучно, и весьма внимательно объяснялъ свои соображенія нахмуреннымъ хозяевамъ: «Ну что, вы кончили? Больше ничего?», торопятъ они его, чтобы поскорѣе убирался. «Да, я кончилъ, только теперь уже время обѣдать. Я бы остался.» Не должно однако думать, чтобы А. Д. выкидывалъ такія штуки на зло. Нѣтъ, онъ просто не хотѣлъ допустить мысли, чтобы кто-нибудь смѣлъ нравственно, передъ собственной совѣстью, сердиться серьезно за исполненіе человѣкомъ обязанности охранять безопастность организаціи. Соблюдать осторожность скучно, выслушивать замѣчанія еще скучнѣе: поэтому можно быть въ дурномъ расположеніи духа, это понятно: но сердиться за это именно на него, А. Д., совершенно несправедливо, и порядочный человѣкъ самъ будетъ стыдиться, если позволитъ себѣ поссориться изъ за совершенно дѣльныхъ указаній. Такъ разсуждалъ А. Д. и не хотѣлъ, съ своей точки зрѣнія, обижать людей, принимая въ серьезную сторону ихъ рѣзкіе отвѣты, насмѣшки, грубости. Въ общей сложности, это благородное отношеніе къ людямъ и къ дѣлу, вполнѣ оцѣнивалось всѣми, и А. Д., хотя ежедневно ругался и ссорился съ 20 человѣками среднимъ числомъ, пользовался такимъ уваженіемъ, какъ никто.

Изъ конспираціи А. Д. создалъ цѣлую науку. Онъ очень ловко гримировался: выработалъ въ себѣ способность однимъ взглядомъ отличать знакомыя лица въ цѣлой толпѣ. Петербургъ онъ зналъ, какъ рыба свой прудъ. У него былъ составленъ огромный списокъ проходныхъ дворовъ и домовъ (штукъ 300), и онъ все это помнилъ наизусть. Покойный Халтуринъ передавалъ намъ однажды, какъ онъ слѣдилъ за А. Д. (у Халтурина тоже были эти привычки — контроли-

жала насъ—эти принципы восторжествовали. Я часто горячился въ этой борьбѣ, но Оболяшинъ изумлялъ всѣхъ своимъ стоическимъ хладнокровіемъ, логикой и непреклонностью; онъ былъ вообще замѣчательный діалектикъ; онъ принималъ обиды какъ Сократъ, я же

ровать другихъ): тотъ немедленно замѣтилъ его. Халтуринъ съ пріятной улыбкой знатока разсказывалъ до чего ловко А. Д. изыскивалъ случаи смотрѣть позади себя, совершенно естественно, то будто взглянуть на красивую барыню, то поправивши шляпу и т. д., въ концѣ концовъ онъ изчезъ—«чортъ его знаетъ, куда онъ дѣвался»... А нужно сказать, что Халтуринъ тоже былъ мастеръ выслѣживать. Проходными дворами и домами А. Д. пользовался артистически. Одинъ человѣкъ, спасенный А. Д. отъ ареста, разсказывалъ намъ, какъ это произошло. «Я долженъ былъ сбѣжать съ квартиры, и скоро замѣтилъ упорное преслѣдованіе. Я сѣлъ на конку, потомъ на извощика. Ничего не помогло. Наконецъ мнѣ удалось, бѣгомъ пробѣжавши рынокъ, вскочить въ вагонъ съ другой стороны; я потерялъ изъ виду своего преслѣдователя, но не успѣлъ вздохнуть свободно, какъ вдругъ входитъ въ вагонъ шпіонъ, прекрасно мнѣ извѣстный, онъ постоянно присутствовалъ при всѣхъ проѣздахъ царя и выслѣдилъ меня на мою квартиру, откуда я сбѣжалъ. Я былъ въ полномъ отчаяніи, но въ это же мгновеніе совершенно неожиданно вижу—идетъ по улицѣ А. Д. Я выскочилъ изъ вагона съ другого конца и побѣжалъ въ догонку. Догналъ, прохожу быстро мимо и говорю, не поворачивая головы: «Меня ловятъ.» А. Д., также не взглянувши на меня, отвѣтилъ: «иди скоро впередъ.» Я пошелъ. Онъ, оказалось, въ это время осмотрѣлся, что такое за мной дѣлается. Черезъ минуту онъ догоняетъ меня, проходитъ мимо и говоритъ: «Номеръ 37, во дворъ, черезъ дворъ, на Фонтанку, номеръ 50, опять во дворъ. Догоню.» (Номера впрочемъ я уже позабылъ.). Я пошелъ, увидѣлъ скоро номеръ 37, иду во дворъ, который оказался очень тѣснымъ, съ какими то закоулками, и въ концѣ концовъ—я неожиданно очутился на Фонтанкѣ... Тутъ я въ первый разъ повѣрилъ въ свое спасеніе. Торопясь, я уже даже не слѣдилъ за собой, а только старался, какъ можно скорѣе идти, Скоро по Фонтанкѣ оказался крутой заворотъ, а за нимъ номеръ 50: прекрасное мѣсто, чтобы исчезнуть неожиданно. Вхожу во дворъ смотрю, а тамъ уже стоитъ Ал. Д.; оказалось, что домъ также проходной въ какой то переулокъ. «Выходи въ переулокъ, говоритъ А. Д. нанимай извощика, куда нибудь по близости отъ такой то квартиры», самъ же выбѣжалъ на Фонтанку, и осмотрѣлся. Пока я нанялъ извощика, онъ возвратился, и отвезъ меня на квартиру... гдѣ я и остался.»

Съ этимъ знаніемъ мѣстности и со своею ловкостью А. Д. былъ просто неуловимъ. Прослѣдить его не было возможности. Можно было развѣ взять на улицѣ, какъ это случилось послѣ злополучной исторіи съ карточками. Но за то сколько разъ онъ уходилъ изъ рукъ полиціи.

напротивъ поднимался на дыбы, но въ настойчивости не отставалъ отъ него.

Въ 1877 г. весной почти весь кружокъ народниковъ, мѣстнымъ своимъ составомъ вмѣстѣ съ десятками, связанныхъ съ ними людей, двинулись въ народъ, такъ какъ тамъ, въ организаціи народныхъ вожаковъ и мѣстныхъ экономическихъ протестовъ были всѣ его надежды. Въ Самарѣ, Саратовѣ, Царицынѣ, Астрахани, на Уралѣ, въ Ростовѣ, на Кубани, вообще на юго-восточныхъ окраинахъ образовался рядъ поселеній; но центръ былъ Саратовъ; въ него попалъ я и Ольга. Мы располагали также самыми незначительными матеріальными средствами, именно около 5000 рублей въ предѣлахъ года. Собралось туда (въ Саратовъ) около 20 человѣкъ; изъ нихъ человѣкъ 5 — 6 изъ основного кружка, а остальные изъ различныхъ мѣстностей, привлеченные связями съ основнымъ кружкомъ. Народъ былъ разнокалиберный, мало знакомый между собой. Пришлось не мало потратить усилій на обработку этого матеріала въ организаціонномъ смыслѣ, и опять горячѣе и настойчивѣе другихъ вели эту работу я и Ольга *). Но Ольга скоро уѣхала въ Петербургъ,

---

*) А. Д. отличался рѣдкими способностями организатора. Съ одной стороны онъ былъ глубоко убѣжденъ въ необходимости «совершенной», какъ онъ выражался, организаціи, и вѣрилъ, что такая орнизація можетъ легко справиться съ правительствомъ. Этимъ объясняется то свѣтлое чувство счастья, которое сквозитъ въ замѣткахъ, и которое происходитъ отъ сознанія, что въ Россіи уже положено начало такой «совершенной организаціи». Съ другой стороны, А. Д. прекрасно понималъ основанія организаціи: единство, дисциплина, хорошій составъ центра, конкретность цѣлей и строгая конспирація— составляли для него символъ вѣры. Все это были для него рѣшенные вопросы, надъ которыми раздумывать не приходилось. Сверхъ того, онъ и по личнымъ свойствамъ, былъ какъ нельзя лучше приспособленъ къ созданію организаціи. Необыкновенно дѣятельный, въ высшей степени практичный, наконецъ, — не связанный никакими личными страстями и стремленіями, — онъ въ тоже время умѣлъ чрезвычайно мѣтко опредѣлять людей, оцѣнивать положенія, умѣлъ одинаково хорошо повиноваться и приказывать. Чувство мѣры, присущее всякому хорошему организатору, и подсказывающее ему, что можно требовать отъ людей, чего нѣтъ — у А. Д. было въ высшей степени развито. Поэтому у него не бывало «безполезныхъ» людей; онъ всякаго умѣлъ утилизировать, пристроить къ дѣлу, сообразно со способностями.

Говорить въ подробностяхъ о его идеалахъ организаціи — безпо-

остался я одинъ и распинался за интсресы центра въ то время, когда, всѣдствіе долгаго разобщенія съ Петербургомъ, стала рости мѣстная обособленность, за которую стали нѣкоторые изъ членновъ цетра и многія мѣстныя самолюбія. Страстное отпошеніс и настойчивость побѣдили и здѣсь, и Саратовъ до лѣта 1879 г. оставался мѣстною группой организаціи народниковъ. Впрочемъ судьба сильно разгромила его еще въ концѣ 1877 г., но и послѣ въ Саратовской губ. поселеній оставалось довольно, и если бы Петербургъ не былъ увлеченъ жизнью въ борьбу съ правительствомъ, саратовская группа сдѣлала бы при поддержкѣ центра многое. Въ Саратовѣ я жилъ весну, лѣто и часть осени и то не постоянно. Временами я путешествовалъ по Саратовской губ. и заводилъ знакомства съ крестьянами и отыскивалъ мѣста для поселеній, а на зиму окончательно поселился у раскольниковъ въ Саратовскомъ уѣздѣ. Къ дѣятельности среди раскольниковъ я относился чрезвычайно любовно и рѣшился побѣждать всякія трудности. Мнѣ пришлось сдѣлаться буквально старовѣромъ, пришлось взять себя въ ежевыя рукавицы, ломать себя съ ногъ до головы *). Я дол-

лезно, такъ какъ эти идеалы, за которые прежде приходилось выносить столько борьбы, теперь, можно сказать, стали обще признанными. Но А. Д. принадлежитъ въ нашемъ движеніи великая заслуга — быть въ числѣ самыхъ умныхъ и энергичныхъ проводниковъ этой новой организаціонной идеи.

*) Мы знавали А. Д. въ моментъ его возвращенія въ Петербургъ. Онъ дѣйствительно былъ съ головы до ногъ «старовѣромъ», и даже въ спорахъ съ радикалами постоянно сбивался нечаянно на цитаты изъ разныхъ сектантскихъ «цвѣтниковъ». Въ силу сектантства онъ глубоко вѣрилъ; религіознымъ въ формальномъ смыслѣ слова онъ не былъ и тогда, но однако имѣлъ какую-то особую подкладку въ міросозерцаніи, которая очень приближалась къ религіи. «Богъ—это правда, любовь, справедливость, и я въ этомъ смыслѣ съ чистой совѣстью говорю о богѣ, въ котораго вѣрю.» Онъ увѣрялъ, что всѣ основатели великихъ религій, Христосъ даже, именно въ такомъ же смыслѣ понимали Бога. «Но все таки, спрашивали его, что такое Справедливость, Любовь, и т. д.? Есть ли это нѣчто личное, нѣкоторое существо, или отвлеченный принципъ»? Не помнимъ, чтобы А. Г. давалъ на это вполнѣ рѣшительный отвѣтъ, У него была какая то идея (смутная для постороннихъ и. ч. онъ мало говорилъ объ этомъ, а м. б. смутная и для него самого) — что идеалы соціальной революціи должны создать людямъ нѣкоторую новую религію, которая бы также поглощала все существо человѣка, какъ это дѣлали старыя.

женъ былъ во всемъ поддѣлаться подъ эту среду, чтобы стоя на одной съ нею почвѣ, имѣть возможность вліять на нее. Если мнѣ многое въ приготовительныхъ работахъ удалось въ сравнительно короткій промежутокъ времени, то только благодаря одной чертѣ моего характера, именно отдаваться всякому дѣлу всецѣло, всей душой, всѣми помыслами. Это мнѣ помогло въ два, три мѣсяца стать неузнаваемымъ раскольникомъ, а кто знаетъ старовѣровъ, тотъ понимаетъ, что это значитъ. Для интеллигентнаго человѣка это значитъ исполнять 10,000 китайскихъ церемоній и исполнять ихъ естественно. Преодолѣніе происходило вслѣдствіе сознанія необходимости, даже съ нѣкоторою пріятностью, а главное съ громадной пользой для развитія воли и умѣнья владѣть собой. Это была прекрасная и необходимая для меня школа, къ сожалѣнію только кратковременная. Міръ раскола плѣнилъ меня своею самобытностью, сильнымъ развитіемъ духовныхъ интересовъ и самостоятельно народной организаціей. Это могучее государство въ государствѣ чиновничьемъ. Меня сильно манили тайники народно-общиннаго духа, область истинно народной жизни и народнаго творчества. У меня образовались уже прочныя связи. Я могъ проникнуть уже и въ сибирскіе тайные скиты, и къ астраханскимъ общинамъ (коммунистамъ), и къ бѣгунамъ и въ Преображенское кладбище. Но увы! пришлось все бросить. Я видѣлъ, что дѣла центра не блестящи, что организація расширяется медленно, а главное были плохи финансы и остановился вслѣдствіи этого притокъ силъ въ народъ. Въ Саратовѣ наши положительно голодали.

Въ началѣ апрѣля 1878 г., я вернулся въ Петербургъ, имѣя впрочемъ намѣреніе образовать новую группу для отправленія въ расколъ. Благопріятныя впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ раскольничьей среды еще наполняли меня и мнѣ трудно было сразу отрѣшиться отъ начатой дѣятельности, но кипучая жизнь Петербурга вскорѣ потребовала всѣ мои силы и съ работой въ народѣ пришлось разстаться сначала фактически, а въ послѣдствіи и принципіально по мѣрѣ того, какъ успѣшность борьбы съ правительствомъ становилась очевидною. Здѣсь окончательно выработана программа народниковъ (въ апрѣлѣ и маѣ 1878 г.) и

уставъ организаціи. Въ тоже время возникла мысль объ новой организаціи общества «Земли и Воли» и объ органѣ. Въ эту же весну я участвовалъ въ многочисленныхъ демонстраціяхъ, имѣвшихъ тогда мѣсто и частью организовывалъ ихъ. Затѣмъ. вполнѣ сочувствуя борьбѣ съ правительствомъ, я сталъ принимать участіе въ нѣкоторыхъ террористическихъ фактахъ и освобожденіяхъ. Въ концѣ сентября 1878 года я былъ посланъ въ Землю Войска Донского съ прокламаціями для организаціи дѣла среди казаковъ, при помощи радикаловъ жившихъ на Дону, но вслѣдствіе погрома 13 сентября въ Петербургѣ, я возвратился сюда. Дѣла я засталъ здѣсь въ печальномъ положеніи, мои лучшіе друзья и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе выдающіеся дѣятели—погибли; связи почти цѣликомъ были утрачены; но энергическими усиліями 4—5 человѣкъ въ короткое время намъ удалось поставить дѣла на прежнюю высоту и даже дать имъ новый розмахъ. Въ концѣ октября я былъ задержанъ на квартирѣ Трощанскаго, но успѣлъ бѣжать (случай этотъ описанъ въ № 1 «Земли и Воли») *). Въ то время была устроена ти-

*) Не имѣя подъ руками № «Земли и Воли», передадимъ этотъ случай по разсказамъ очевидцевъ. А. Д. явился на квартиру Трощанскаго, не зная объ его арестѣ, а между тѣмъ на квартирѣ этой полиція озаботилась оставить засаду. А. Д. былъ немедленно арестованъ. Когда его вывели на улицу, чтобы пропроводить въ часть, А. Д. вырвался и пустился бѣжать. Полиція, разумѣется, пустилась догонять. Но А. Д. началъ громко кричать: «Лови держи«, и этимъ увлекъ за собою много прохожихъ, которые побѣжали вмѣстѣ съ нимъ ловить воображаемаго злоумышленника. Такимъ образомъ А Д. до нѣкоторой степени затерся въ толпѣ, и успѣлъ шмыгнуть въ переулокъ, а затѣмъ въ первый попавшійся домъ. Разумѣется, выигрышъ времени состоялъ всего въ нѣсколькихъ минутахъ, и полиція скоро сообразила, что человѣкъ, свернувшій въ переулокъ, именно и есть настоящій бѣглецъ Между тѣмъ дворъ, куда свернулъ А. Д.; оказалось, къ несчастью, не имѣлъ никакого другого выхода. Преслѣдователи толпились на улицѣ, и, очевидно, должны были скоро толкнуться и въ этотъ дворъ, а А. Д. стоялъ безсильно передъ высокой стѣной, преграждавшей путь куда нибудь дальше. «Я готовъ былъ, разсказывалъ А. Д., бить со злости эту проклятую стѣну.» Однако онъ скоро нашелъ способъ перелѣзть черезъ нее въ другой дворъ и такимъ образомъ благополучно скрыться.

Случаевъ такого экстраординарнаго спасенія въ жизни А. Д. было нѣсколько. Приведемъ еще одинъ изъ нихъ, основываясь на разсказахъ очевидцевъ, а отчасти и самого А. Д.

пографія и №№ «Земли и Воли» стали выходить правильно. Я участвовалъ тогда въ рабочей группѣ, которая возбудила и поддержала нѣсколько стачекъ. Во время Соловьевскаго покушенія, я находился на пло-

---

Однажды, въ 1879 г., швейцаръ квартиры, гдѣ проживалъ А. Д. сдѣлалъ на него доносъ (благодаря безтактности одного товарища А. Д.), вслѣдствіи чего за нимъ началось слѣженіе. А. Д. очень скоро замѣтилъ это, тѣмъ болѣе, что зналъ въ лицо шпіона, котораго къ нему приставили. Но А. Д. жилъ подъ прекраснымъ, подлиннымъ, хотя и чужимъ, видомъ; онъ зналъ, что ничего особеннаго за нимъ полиція замѣтить не могла. Поэтому хотя онъ и рѣшился съѣхать съ квартиры, съ тѣмъ, чтобы потомъ поселиться подъ другимъ видомъ, но въ тоже время онъ считалъ совершенно излишнимъ сбѣжать, такъ сказать, со скандаломъ. Намѣренія арестовать его онъ со стороны полиціи не предполагалъ. Такимъ образомъ онъ самымъ благороднымъ манеромъ собралъ пожитки, нанялъ извощика и отправился на вокзалъ. Оказалось, что шпіонъ поѣхалъ слѣдомъ за нимъ. Это немного обезпокоило А. Д., но онъ всетаки ограничился тѣмъ, что изъ предосторожности отдалъ на вокзалѣ товарищу (бывшему тамъ согласно условію) разныя бумаги и деньги. Разумѣется, это было сдѣлано исторожно, въ темномъ закоулкѣ. Самъ же А. Д. отправился все таки брать билетъ и сдавать багажъ. Между тѣмъ вокзалъ началъ принимать очень зловѣщій видъ. Появилось нѣсколько шпіоновъ; они видимо стерегли А. Д,, ожидая чего то. Онъ все это наблюдалъ, сохраняя, однако, замѣчательно спокойный видъ, такъ что шпіоны, очевидно, оставались въ полной увѣренности, что онъ ничего не замѣчаетъ. Когда А. Д. сѣлъ въ вагонъ, одинъ шпіонъ остался у вагона, а другой подошелъ и сказалъ что-то жандарму. А. Д. быстро и незамѣтно перешелъ въ другой вагонъ (дѣло было ночью). Между тѣмъ на платформѣ вдругъ появился самъ Кириловъ, начальникъ канцеляріи III отдѣленія. Кириловъ, начавшій свою карьеру простымъ шпіономъ, въ это время былъ уже генералъ и очень старъ, но любилъ въ особенныхъ случаяхъ лично руководить человѣческою травлей. Появленіе его, какъ А. Д. прекрасно зналъ, всегда означало неизбѣжный арестъ. Нужно было спасаться. А. Д. вышелъ на площадку вагона и сталъ въ густой тѣни, а Кириловъ что-то сказалъ своимъ шпіонамъ; вѣроятно, приказалъ арестовать. Но тѣ тутъ только замѣтили, что А. Д. исчезъ. Началась бѣготня. Одинъ прошелъ весь поѣздъ изъ конца въ конецъ, имѣя наивность даже звать А. Д., вѣроятно въ расчетѣ, что онъ самъ себя чѣмъ нибудь нечаянно выдастъ. Между тѣмъ пробилъ третій звонокъ. Кириловъ очевидно получилъ отъ шпіоновъ ручательство, что А. Д. долженъ находиться въ поѣздѣ, хотя и неизвѣстно гдѣ. Два шпіона вскочили въ вагонъ, надѣясь на ходу хорошенько осмотрѣть вагоны, а А. Д., какъ только поѣздъ тронулся, соскочилъ со ступенекъ вагона и черезъ дворъ вышелъ на улицу. Отъ шпіоновъ съ пути была прислана Кирилову

щади и видѣлъ, какъ послѣ выстрѣловъ царь упалъ и поползъ на четверинкахъ. Позднѣйшая моя дѣятельность извѣстна теперешнимъ моимъ товарищамъ*).

телеграмма съ извѣстіемъ объ отсутствіи А. Д., а въ Москвѣ, немедленно по прибытіи поѣзда, былъ заарестованъ его багажъ. Въ чемоданѣ между прочимъ нашли прекрасный револьверъ Смита и Весена, а также стилетъ. Этимъ и ограничилась добыча Кириловской экспедиціи.

А. Д. всегда старался узнавать въ лицо шпіоновъ и пользовался для этого всѣми случаями. Это знакомство, вмѣстѣ со способностью необыкновенно хорошо запоминать лица и быстро замѣчать ихъ въ цѣлой толпѣ, очень помогало А. Д. скрываться отъ всякихъ преслѣдованій, и онъ, на улицѣ, вообще считалъ себя настолько гарантированнымъ отъ ареста, что позволялъ себѣ показываться въ самыя опасныя мѣста. Такъ, напримѣръ, во время взятія первой типографіи «Народной Воли», когда въ Саперномъ переулкѣ стоялъ цѣлый взводъ полиціи и шпіоновъ, А. Д. ходилъ туда посмотрѣть, что дѣлается. На его глазахъ арестовано было нѣсколько зѣвакъ, онъ же остался цѣлъ и невредимъ. Точно также онъ всегда охотно брался провѣрить, есть ли слѣженіе за данной квартирой, и въ этомъ случаѣ на его свидѣтельство можно было полагаться почти съ безусловнымъ довѣріемъ. Отъ его вниманія не ускользало ни одно подозрительное обстоятельство; но ни одно обстоятельство онъ также и не преувеличивалъ. Его оцѣнка каждаго даннаго положенія вещей отличалась замѣчательной точностью, и производилась всегда необыкновенно быстро, совершенно будто у него въ головѣ находились какія то вѣсы, которыя механически и съ моментальной быстротой показывали ему сравнительную тяжесть фактовъ.

*) Эта дѣятельность намъ извѣстна лишь въ общихъ чертахъ. Вскорѣ послѣ покушенія Соловьева на жизнь Александра II, съ А. Д. случилась исторія, о которой мы упомянули выше. Ускользнувъ на вокзалѣ отъ рукъ Кирилова, А. Д. не остался однако въ Петербургѣ, а черезъ нѣсколько дней, измѣнивши наружность, всетаки уѣхалъ на югъ, гдѣ долженъ былъ хлопотать о полученіи денегъ Лизогуба. Въ это же время А. Д. сблизился съ Желябовымъ. Затѣмъ наступилъ Липецкій съѣздъ, въ которомъ А. Д. принималъ самое дѣятельное участіе, какъ горячій сторонникъ измѣненія общей дѣятельности партіи, и улучшенія ея организаціи. Съ Липецкаго съѣзда А. Д. отправился въ качествѣ члена «Земли и Воли», на Воронежскій съѣздъ, гдѣ старался отстоять террористическую дѣятельность, но въ то же время предупредить разрывъ кружка. Послѣ съѣзда А. Д. прибылъ въ Петербургъ и участвовалъ черезъ нѣсколько времени на такъ называемомъ Петербургскомъ съѣздѣ, который состоялъ собственно изъ делегатовъ двухъ группъ, на которыя раскололась «Земля и Воля». Здѣсь А. Д. энергически отстаивалъ интересы будущей «Народной Воли», а затѣмъ по распоряженію И. К. отправился въ Москву, гдѣ организо-

Оглядываясь назадъ, я могу сказать, что жизнь моя безпримѣрна дѣловымъ счастьемъ. Я не знаю человѣка, котораго бы судьба такъ щедро наградила дѣловымъ счастьемъ. Передъ моими глазами прошло почти

валъ взрывъ царскаго поѣзда, и рядомъ съ этимъ занимался организацiей Московскаго кружка «Народной Воли». Послѣ 19 ноября А. Д. оставался въ Москвѣ, при своей группѣ, пока не былъ вызванъ въ Петербургъ, по случаю ареста Квятковскаго и другихъ проваловъ, угрожавшихъ безопасности организацiи. Съ этого времени дѣятельность А. Д. имѣла главнымъ образомъ организаторскiй характеръ. Въ дѣлѣ 5 февраля онъ не принималъ никакого особеннаго участiя.

28 ноября 1880 г. А. Д. былъ арестованъ по слѣдующему поводу: онъ заказалъ карточки нѣкоторыхъ казненныхъ революцiонеровъ въ фотографiяхъ Александровскаго и Таубе; онѣ обѣ находятся рядомъ на Невскомъ проспектѣ, между Троицкимъ и Новой улицей. Карточки, разумѣется, были отдаваемы имъ, какъ принадлежащiя будто бы его родственникамъ. Но фотографы, вѣроятно, имѣли уже ихъ, такъ что немедленно узнали Квятковскаго и Прѣснякова и одинъ изъ нихъ (именно Александровскiй) донесъ объ этомъ въ полицiю. Полицiя отрядила двухъ агентовъ въ обѣ фотографiи, причемъ въ одной агентъ находился въ качествѣ якобы швейцара. Когда А. Д. явился за своими карточками, онъ замѣтилъ странное поведенiе фотографа, который не давалъ карточекъ, подъ очевидно пустыми предлогами, и убѣжалъ куда то (оказалось предупредить полицiю). А. Д., не дожидаясь дальнѣйшаго, сказалъ, что онъ не имѣетъ времени дожидаться и ушелъ. Швейцаръ, мимо котораго онъ проходилъ, держалъ себя еще болѣе по дурацки, старался уговорить А. Д. не уходить, дѣлалъ движенiя, какъ будто имѣлъ желанiе схватить его и т. д. А. Д. опустилъ руку въ карманъ, и швейцаръ (оказалось впослѣдствiи, онъ думалъ, что у А. Д. есть револьверъ въ карманѣ) оставилъ его въ покоѣ.

Странно и невѣроятно, разумѣется, что А. Д., самъ разсказывавшiй товарищамъ объ этомъ происшествiи, все таки пошелъ послѣ этого въ фотографiю Таубе! Онъ обѣщалъ не ходить, даже въ такихъ словахъ: «Я не дуракъ, не безпокойтесь...» и все таки черезъ нѣсколько дней пошелъ. Околодочный Кононенко, сильный и смѣлый человѣкъ, все время дежурилъ около подъѣзда фотографiи, переодѣтый въ цивильный костюмъ. Когда А. Д., получивъ карточки, вышелъ на улицу, Кононенко пошелъ за нимъ. А. Д., замѣтивъ слѣженiе, сѣлъ въ конку (по Владимiрской улицѣ), куда за нимъ вскочилъ и Кононенко. Около Владимiрской церкви А. Д. выскочилъ изъ вагона и хотѣлъ сѣсть на извощика, но Кононенко бросился на него и схватилъ его. Тутъ подоспѣли городовые, и А. Д. повели въ часть. Послѣ недолгаго допроса, причемъ оказалось, что полицiя не имѣетъ ни малѣйшаго подозрѣнiя о дѣйствительной личности А. Д., его попросили показать свою квартиру. На дорогѣ А. Д. пытался бѣжать, но его снова поймали. Приведенный на квартиру А. Д. выставилъ у

все великое нашего времени въ Россіи. Лучшія мои мечты нѣсколько лѣтъ осуществляются. Я жилъ съ лучшими людьми и всегда былъ достоинъ ихъ любви и дружбы. Это великое счастье для человѣка.

1880 г. Февраль.

себя знакъ опасности и затѣмъ послѣ обыска былъ увезенъ въ Д. П. З.; у него было найдено между прочимъ значительное количество динамиту.

«Видно на всякаго мудреца довольно простоты», сказалъ А. Д. конвойный жандармъ, когда выяснилась его личность. И дѣйствительно ничего не остается больше сказать, видя при какихъ невѣроятныхъ условіяхъ былъ арестованъ этотъ осторожнѣйшій и осмотрительнѣйшій человѣкъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. Д. МИХАЙЛОВѢ.

Я познакомился съ А. Д. Михайловымъ осенью 1875 года, когда онъ, окончившій гимназическій курсъ, поступилъ въ Технологическій институтъ въ Петербургѣ. Знакомство наше состоялось на одной изъ многочисленныхъ тогда студенческихъ сходокъ, на которыхъ обсуждались занимавшіе молодые умы вопросы о «знаніи и революціи», «хожденіи въ народъ», пропагандѣ, агитаціи и т. п. Сходка, о которой я говорю, состоялась гдѣ-то около Технологическаго института въ довольно просторной и высокой комнатѣ, биткомъ набитой студентами различныхъ учебныхъ заведеній. Проспоривши часа два подъ-рядъ, мы всѣ почувствовали нестерпимую духоту и рѣшили отворить форточку. Тогда наступилъ родъ перерыва, и пренія приняли частный характеръ; собраніе разбилось на небольшія группы, въ которыхъ продолжалось обсужденіе различныхъ спорныхъ пунктовъ. Мы горячились и кричали, не обращая вниманія на то, что, благодаря открытой форточкѣ, собраніе наше могло обратить на себя вниманіе дворниковъ и полиціи. Вдругъ всѣ голоса были покрыты чьимъ-то громкимъ напоминаніемъ объ осторожности. Обернувшись въ сторону говорившаго, мы увидѣли довольно высокаго, бѣлокураго господина въ красной шерстяной рубашкѣ и высокихъ сапогахъ.

— Вы лучше помолчите, господа, пока форточка открыта — продолжалъ бѣлокурый господинъ, не проронившій до тѣхъ поръ ни одного слова и потому не обратившій на себя ничьего вниманія.

Не знаю почему, всѣ мы расхохотались надъ этимъ предостереженіемъ, но не отказались, однако, послѣдовать благому совѣту. У многихъ явилось желаніе

познакомиться съ осторожнымъ господиномъ, одѣтымъ настоящимъ «нигилистомъ». Около него образовалась кучка, посыпались вопросы: гдѣ учитесь, какъ ваша фамилія и т. д. «Михайловъ, студентъ Технологическаго Института, первокурсникъ», — обстоятельно пояснялъ, съ легкимъ заиканіемъ, бѣлокурый господинъ, не обращаясь ни къ кому въ частности. Я былъ въ числѣ вопрошавшихъ и, узнавши, что Михайловъ — технологъ, спросилъ его о новыхъ правилахъ, только что введенныхъ Вышнеградскимъ и вызывавшихъ всеобщее неудовольствіе студентовъ

— Говорятъ, что не сегодня-завтра студенты откажутся ходить на репетиціи и начнутся «безпорядки»?

— Студенты очень возбуждены, и «безпорядки» весьма возможны, но я не приму въ нихъ ни малѣйшаго участія, отвѣчалъ мой новый знакомый.

Это откровенное заявленіе ужасно удивило меня, такъ какъ отказъ поддерживать товарищей въ ихъ справедливыхъ требованіяхъ считался несомнѣннымъ признакомъ трусости.

— Видите-ли, въ чемъ дѣло, невозмутимо продолжалъ Михайловъ, они хотятъ сообща отказаться отъ репетицій, потому что каждый изъ нихъ боится сдѣлать это въ одиночку. Я давно уже переступилъ этотъ Рубиконъ: съ самаго поступленія въ Институтъ я не былъ ни на одной репетиціи, такъ какъ считаю ихъ совершенно безполезными. Если бы и другіе поступали какъ я, то новыя правила были бы устранены фактически, и тогда не было бы надобности въ «безпорядкахъ» и неизбѣжныхъ затѣмъ высылкахъ.

— Но вѣдь тѣ, которые не являются на репетиціи получаютъ нуль, а за нѣсколько нулей студентъ не допускается къ экзамену.

— А пусть себѣ ставятъ нули, вѣдь нельзя же оставить на второй годъ всѣхъ студентовъ, всѣхъ курсовъ.

— Но пока вы одинъ, съ вами это навѣрное случится.

— Это уже ихъ дѣло. а я все таки не пойду на репетиціи, потому что это пустая трата времени.

На этомъ и прекратился мой разговоръ съ Михайловымъ. Вскорѣ послѣ нашей первой съ нимъ встрѣчи

дѣйствительно начались «безпорядки» въ Технологическомъ Институтѣ, а за ними послѣдовали административныя «водворенія на родину». Михайловъ былъ высланъ однимъ изъ первыхъ, хотя онъ сдержалъ слово и не принималъ ни малѣйшаго участія въ «безпорядкахъ». Его выслали какъ упрямаго протестанта противъ новыхъ порядковъ, доказавшаго свою «злую волю» непосѣщеніемъ репетицій еще въ то время, когда другіе студенты являлись на нихъ самымъ исправнымъ образомъ. Его водворили, кажется, въ Путивлѣ, откуда онъ скоро перебрался въ Кіевъ.

Въ шумномъ водоворотѣ петербурской студенческой жизни я скоро совсѣмъ забылъ о Михайловѣ, не подозрѣвая, что мнѣ еще придется жить и дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ. Поэтому я таки порядкомъ удивился, когда въ октябрѣ 1876 года, столкнулся съ нимъ на имперьялѣ конно-желѣзной дороги. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ разсказалъ мнѣ свою Одиссею, и прибавилъ, что получивши разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ, онъ пріѣхалъ съ цѣлью поступить въ Горный Институтъ или какое нибудь другое высшее учебное заведеніе. Въ минуту нашей внезапной встрѣчи онп ѣхалъ на Садовую, чтобы освѣдомиться на счетъ правилъ пріема въ Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія. Какъ человѣкъ практичный, онъ рѣшилъ держать экзамены въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ сразу, чтобы, »срѣзавшись» въ одномъ, не лишиться шансовъ на успѣхъ въ другомъ. Нужно замѣтить, что пріемные экзамены въ Горный Институтъ отличались тогда большою строгостью, такъ что опасенія Михайлова касательно провала были не лишены основанія. Впрочемъ техника интересовала его въ это время очень мало. Студенческій билетъ долженъ былъ доставить ему нѣкоторую гарантію отъ преслѣдованій полиціи, которая, вообще нс благосклонно смотрѣла на пребываніе въ Петербургѣ людей «безъ опредѣленныхъ занятій». Я не помню, удалось-ли ему запастись этимъ громоотводомъ, знаю только, что поселившись въ столицѣ, Михайловъ посвящалъ все свое время разыскиванію «настоящихъ революціоровъ». Припоминая теперь его тогдашній образъ жизни, я думаю, что Михайловъ долженъ былъ пережить страшно много за какихъ нибудь два-три мѣсяца. Онъ

какъ-бы переродился. Изъ уединеннаго обитателя Измайловскаго полка, какимъ я зналъ его годъ тому назадъ, онъ превратился въ самого подвижного, самого живого члена студенческихъ «коммунъ», нигдѣ не остающагося надолго, но вѣчно перекочевающаго изъ одной квартиры въ другую. «Коммуны», въ которыхъ онъ вращался въ это время, представляли собою иногда небольшую студенческую комнату, занимаемую вмѣстѣ съ настоящимъ ея хозяиномъ цѣлой массой пришлаго населенія. Я помню разсказъ Михайлова объ обстановкѣ одной изъ такихъ коммунъ. На Малой Дворянской улицѣ, на Петербургской сторонѣ, въ крошечномъ и низкомъ деревянномъ домикѣ, настоящей избушкѣ на «курьихъ ножкахъ», кто-то изъ знакомыхъ Михайлова занималъ комнату, помѣщавшуюся въ первомъ этажѣ и выходившую окнами на улицу. Мало по малу, вмѣсто одного постояннаго жильца въ ней оказалось цѣлыхъ шестеро, размѣщавшихся, какъ это легко себѣ представить, безъ всякой претензіи на удобства. Спали на кроватяхъ, спали на столахъ, спали на полу, и когда къ постояннымъ обитателямъ комнаты присоединялось нѣсколько «ночлежниковъ», то весь полъ былъ занятъ спящими, такъ что путешествіе изъ одного угла комнаты въ другой представляло собою настоящую «скачку съ препятствіями». «Когда дворникъ отворялъ по утрамъ ставни нашихъ оконъ, разсказывалъ Михайловъ, то, пораженный этимъ необычайнымъ зрѣлищемъ, отъ могъ только произнести —О Господи!» Въ настоящее время, конечно, ни одинъ дворникъ не ограничился бы такими лирическими порывами, но лѣтъ пять-шесть тому назадъ полиція снисходительнѣе смотрѣла на студенческія нравы и терпѣливѣе «ожидала поступковъ». Она ни разу не потревожила Михайлова и его сожителей, которые, не довольствуясь обычнымъ въ ихъ квартирѣ многолюдствомъ, часто устраивали сходки изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. Въ то время сходки вообще были очень многолюдны и оживленны. Наступившее послѣ арестовъ 1873—74 годовъ затишье, уступило мѣсто новому оживленію молодежи, на развалинахъ старыхъ кружковъ выростали новыя организаціи, революціонныя «программы» предшествующаго періода замѣнялись, такъ называемымъ, «народничествомъ».

Михайловъ горячо интерссовался всѣми «проклятыми вопросами» этого періода нашего революціоннаго движенія и принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ вызывавшихся ими дебатахъ. Посѣщая всѣ, сколько нибудь интересныя собранія, онъ надѣялся встрѣтиться тамъ съ «настоящими революціонерами», которые облегчили бы ему переходъ отъ слова къ дѣлу. Надежды его оправдались въ очень скоромъ времени. На одной изъ сходокъ, если не ошибаюсь, въ описанной уже выше «коммунѣ» на Малой Дворянской улицѣ, онъ познакомился съ членами возникавшаго тогда общества «Земля и Воля» и скоро самъ былъ въ него принятъ. Тогда окончился «нигилистическій», какъ любилъ выражаться Михайловъ, періодъ его жизни. Онъ достигъ своей цѣли, нашелъ подходившихъ къ его воззрѣніямъ людей, нашелъ кое-к..кую организацію и энергически принялся за ея расширеніе. Теперь онъ уже не посѣщалъ «коммунъ», не ужасалъ дворниковъ оригинальностью своего костюма. Онъ превратился въ сдержаннаго организатора, взвѣшивающаго каждый свой шагъ и дорожащаго каждой минутой времени. «Нигилистическій» костюмъ съ его плэдомъ и высокими сапогами могъ обратить на себя вниманіе шпіона и повести къ серьезнымъ арестамъ. Михайловъ немедленно отказался отъ него, какъ только взялся за серьезную работу Онъ одѣлся весьма прилично, справедливо разсуждая, что лучше истратить нѣсколько десятксвъ рублей на платье, чѣмъ подвергаться ненужной опасности. Во всемъ кружкѣ «Земля и Воля» не было съ тѣхъ поръ болѣе энергичнаго сторонника приличной внѣшности. Часто, послѣ обсужденія какого нибудь серьезнаго плана, онъ дѣлалъ своему собесѣднику замѣчаніс относительно неисправности его костюма и настаивалъ на необходимости ремонта этого послѣдняго. Если собесѣдникъ отговаривался неимѣніемъ денегъ, то Михайловъ умолкалъ, но при этомъ записывалъ что-то шифромъ въ свою книжечку. Черезъ нѣсколько дней онъ доставалъ денегъ и сообщалъ адресъ недорогого магазина платья, такъ что его неисправно одѣтому товарищу оставалось только итти по указанному адресу, чтобы вернуться домой въ приличномъ видѣ. Другою не менѣе постоянною заботою Михайлова былъ квартирный вопросъ. Помимо

обыкновенныхъ житейскихъ удобствъ, найденная имъ «конспиративная» квартира имѣла много другихъ, незамѣтныхъ для глаза непосвященнаго въ революціонныя тайны смертнаго. Окна ея оказывались особенно хорошо приспособленныя для установки «знака», который легко могъ быть снятъ въ случаѣ появленія полиціи, такъ что не входя еще въ квартиру можно было знать, что тамъ «неблагополучно»; отъ другихъ квартиръ она отдѣлялась толстою капитальною стѣною, такъ что ни одно слово не могло долетѣть до ушей, быть можетъ, нескромныхъ сосѣдей; планъ двора, положеніе подъѣзда,—все было принято въ соображеніе, все было приспособлено къ «конспиративнымъ» цѣлямъ. Я помню, какъ, показавши мнѣ всѣ достоинства только что нанятой имъ квартиры, на Бассейной улицѣ, Михайловъ вывелъ меня на лѣстницу, чтобы обратить мое вниманіе на ея особенныя удобства.

— Видите, какая площадка, произнесъ онъ съ восхищеніемъ.

Признаюсь, я не понялъ—въ чемъ дѣло.

— Въ случаѣ несвоевременнаго обыска мы можемъ укрѣпиться на этой площадкѣ и, обстрѣливая лѣстницу, защищаться отъ цѣлаго эскадрона жандармовъ, — пояснилъ мнѣ Михайловъ,

Вернувшись въ квартиру, онъ показалъ мнѣ цѣлый арсеналъ различнаго оборонительнаго оружія, и я убѣдился, что жандармамъ придется дорого поплатиться за «несвоевременный» визитъ къ Михайлову.

Но всѣ эти хлопоты занимали Ал. Дм. лишь временно. Онъ собирался «въ народъ» на Донъ или на Волгу, туда, гдѣ, по его мнѣнію, еще жива была память о Разинѣ и Пугачевѣ, гдѣ народъ не свыкся еще съ ярмомъ государственной организаціи и не махнулъ рукой на свое будущее. Но такъ какъ бродячая пропаганда 1873 — 74 годовъ нс принесла хорошихъ результатовъ, то общество «Земля и Воля» рѣшилось основать прочныя поселенія въ народѣ, чтобы имѣть возможность дѣйствовать осмотрительно, съ знаніемъ мѣстности и разумнымъ выборомъ личностей. Для этого, разумѣется, нужно было занять извѣстное положеніе въ деревнѣ, нужно было званіе учителя, писаря, фельдшера или чего либо подобнаго. Михайловъ рѣшился сдѣлаться учителемъ, но не въ православной,

а въ раскольничьей деревнѣ. На пропаганду среди раскольниковъ тогда возлагались очень большія надежды. безпоповцевъ, въ особенности, считали. какъ и теперь считаютъ многіе. носителями неиспорченнаго идеала народной жизни, которыхъ безъ большого труда можно превратить изъ оппозиціоннаго — въ революціонный элементъ русской общественной жизни. Наилучшею репутаціею пользовались, конечно, бѣгуны. Мысль о заведеніи съ ними правильныхъ и постоянныхъ сношеній была не нова, но осуществленіе ея представляло большія трудности. Михайловъ не видѣлъ возможности познакомиться съ представителями этой секты иначе, какъ черезъ посредство другихъ. менѣе крайнихъ. менѣе преслѣдуемыхъ. а потому. естественно. и менѣе недовѣрчивыхъ сектъ. Онъ рѣшился научиться всѣмъ обрядамъ безпоповцевъ, усвоить хотя главныя основанія ихъ ученій и затѣмъ. въ качествѣ своего человѣка поселиться учителемъ въ какой нибудь раскольничьей деревнѣ. Окончательный выборъ его палъ на Саратовскую губернію.

Весною 1877 г. съ разныхъ концовъ Россіи члены общества «Земля и Воля» двинулись въ Поволжье для устройства «поселеній». Пространство отъ Нижняго до Астрахани принято было за операціонный базисъ, отъ котораго должны были идти поселенія по обѣ стороны Волги. Въ одномъ мѣстѣ устраивалась ферма, въ другомъ — кузница. тамъ поселялся лавочникъ, здѣсь пріискивалъ себѣ мѣсто волостной писарь... Въ каждомъ губернскомъ городѣ былъ свой «центръ». завѣдывавшій дѣлами мѣстной группы. Саратовская и Астраханская группа непосредственно сносились съ членами кружка. жившими въ Донской области. а надо всѣми этими группами стоялъ Петербургскій «основной кружокъ». завѣдывавшій дѣлами всей организаціи. Много потерь и неудачъ пришлось испытать и «основному кружку» и мѣстнымъ группамъ. но въ общемъ, дѣла шли очень недурно. Какъ членъ «основнаго» петербургскаго кружка. Михайловъ долженъ былъ принимать дѣятельное участіе въ организаціи Саратовской группы. но въ то же время онъ усердно готовился къ своей миссіи среди раскольниковъ. Пріѣхавши въ Саратовъ въ концѣ іюля 1877 года и увидѣвшись съ Михайловымъ. я узналъ отъ него. что онъ

уже завелъ знакомства между саратовскими раскольниками, даже поселился у одного изъ нихъ на квартирѣ и занимается изученіемъ св. писанія. Его новый образъ жизни не разъ вызывалъ во мнѣ удивленіе къ его желѣзной настойчивости и самой строгой выдержанности. Раскольничье семейство, въ которомъ онъ поселился, обитало гдѣ-то на окраинахъ Саратова и отличалось самыми патріархальными нравами. Много нужно было выдержки и терпѣнія, чтобы приспособиться къ этимъ допотопнымъ нравамъ и не соскучиться выполненіемъ раскольничьихъ обрядовыхъ церемоній. Засидѣться въ гостяхъ долѣе 9 час. вечера считалось въ этой средѣ чуть не преступленіемъ; начинавшееся съ разсвѣтомъ утро посвящалось всевозможнымъ молитвамъ, «метаніямъ» и причитаніямъ; нечего и говорить о постахъ, которые соблюдались съ педантическою строгостью. Живя въ комнатѣ, отдѣленной отъ хозяйскаго помѣщенія лишь тоненькой перегородкой, Михайловъ не могъ скрыть ни одного своего шага отъ подозрительнаго глаза хозяевъ, и долженъ былъ взять себя въ ежевыя рукавицы, чтобы окончательно отдѣлаться отъ столичныхъ привычекъ. Съ поразительнымъ терпѣніемъ и аккуратностью молился онъ богу, разстилая на полу какой-то «платъ» и надѣвая на руку какой-то удивительный кожаный треугольникъ, висѣвшій на длинномъ ремнѣ. Помолившись и повздыхавши о своихъ грѣхахъ, онъ принимался за чтеніе «священныхъ» книгъ, и по цѣлымъ днямъ назидался разсужденіями о пришествіи Ильи и Еноха, о двуперстномъ сложеніи, о кончинѣ міра и т. п. Скоро онъ такъ преуспѣлъ въ этой раскольничьей теологіи, что рѣшился принять участіе въ диспутахъ, часто происходившихъ въ православныхъ храмахъ между православнымъ духовенствомъ и раскольничьими начетчиками. Онъ сообщилъ мнѣ о своемъ намѣреніи и мы условились итти вмѣстѣ. «Во едину отъ субботъ», въ октябрѣ или ноябрѣ 1877 года, мы явились съ нимъ въ такъ называемую «Кивонію», которая служила главной ареной обличительной дѣятельности саратовскаго духовенства. Всенощная уже окончилась и оставшаяся въ церкви публика очевидно ждала диспута. Скоро причетникъ поставилъ посрединѣ церкви два аналоя, зажегъ около каждаго изъ нихъ по боль-

шому подсвѣчнику и сталъ поджидать «батюшекъ», ковыряя въ носу и напѣвая какую-то молитву. Мы воспользовались этой свободной минутой, чтобы разспросить его о предстоящемъ диспутѣ. Михайлова болѣе всего интересовалъ вопросъ о томъ, кто изъ раскольничьихъ «столповъ» будетъ отстаивать «древнее благочестіе». Но къ великому его огорченію причетникъ отвѣчалъ, что раскольники почти перестали ходить на диспуты, такъ какъ, не довольствуясь книжной мудростью, «батюшки» доносятъ на своихъ оппонентовъ полиціи, и за несогласіе съ духовной властью раскольники получаютъ должное воздаяніе отъ власти свѣтской. Благодаря этому извѣстію диспутъ утратилъ въ глазахъ Михайлова почти всякій интересъ, но онъ все таки рѣшился остаться, чтобы «посмотрѣть что будетъ». Намъ не долго пришлось ожидать появленія православныхъ діалектиковъ. Изъ алтаря вышли одинъ за другимъ два священника, неся въ каждой рукѣ по огромной книгѣ, въ кожаномъ порыжѣломъ переплетѣ. Подойдя къ аналоямъ и возведя глаза къ небу они объявили, что цѣлью ихъ «собесѣдованія» будетъ оспариваніе не помню уже какого догмата раскольниковъ «австрійскаго согласія». Михайловъ сталъ слушать со вниманіемъ. «Вотъ, напримѣръ, раскольники утверждаютъ, что передъ пришествіемъ антихриста церковь погибнетъ, смиренномудро говорилъ одинъ изъ «батюшекъ», а между тѣмъ въ Писаніи сказано...

— «Созижду церковь мою и врата адовы не одолѣютъ ю»—подхватывалъ его товарищъ, перелистывая порыжѣлые фоліанты и отыскивая въ нихъ приличный случаю текстъ.

«О господи, помилуй насъ грѣшныхъ, сокрушенно шепталъ кто-то въ толпѣ, и «батюшки» переходили къ новому пункту раскольничьихъ лжеученій.

Не подлежало никакому сомнѣнію, что оппонентовъ въ толпѣ не имѣется. Смиренномудрые «лики» батюшекъ озарились уже было сознаніемъ побѣды, какъ вдругъ Алекс. Дм. Михайловъ попросилъ нѣкоторыхъ разъясненій. Дѣло шло о пришествіи Ильи или Еноха; Михайловъ утверждалъ, что для него не ясенъ смыслъ относящагося сюда пророчества. «Батюшки» разъясняли его «сомнѣнія», онъ немедленно высказы-

валъ новыя. Диспутъ оживился. Не интересовавшись никогда ни Ильей ни Енохомъ, я былъ совершеннымъ профаномъ въ этихъ вопросахъ и не понималъ рѣшительно ничего во всемъ спорѣ. Я видѣлъ только, что Михайловъ говоритъ очень самоувѣренно, что его не смущаютъ возраженія «батюшекъ», и что на каждый изъ приводимыхъ ими текстовъ, онъ приводитъ не менѣе вѣское свидѣтельство того или другого святого. Окружающіе слушали его съ большимъ вниманіемъ, а «батюшки» чувствовали себя, какъ видно было, не совсѣмъ ловко. Они не ожидали такого отпора и нѣсколько растерялись. Михайловъ настойчиво допрашивалъ ихъ, какъ понимаютъ они пришествіе Еноха — духовно или тѣлесно, «батюшки» почему-то избѣгали прямого отвѣта.

Не знаю, чѣмъ кончилось бы это препирательство, если бы Михайловъ не имѣлъ неосторожности упомянуть о бѣгунахъ. Какъ только назвалъ онъ эту секту, оппоненты его снова почувствовали себя на твердой почвѣ.

— Ну да вѣдь бѣгуны и царя не признаютъ, воскликнулъ одинъ изъ нихъ.

— «Бога бойся, царя почитай» — вторилъ другой громовымъ голосомъ.

Михайловъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія толковать съ ними о политикѣ и въ свою очередь сталъ отвѣчать уклончиво. Черезъ нѣсколько минутъ «собесѣдованіе окончилось. Мы направились къ выходу.

— А позвольте васъ спросить, обратился къ Михайлову одинъ изъ священниковъ.—вы гдѣ живете?

Я вспомнилъ слова причетника, и началъ опасаться, что развязка диспута будетъ имѣть мѣсто въ полицейскомъ участкѣ.

— Да я не здѣшній, я изъ Камышина, заявилъ, не смущаясь, Михайловъ.

— Да остановились-то вы гдѣ?—допрашивалъ батюшка.

— У одного знакомаго, я вѣдь всего на два дня сюда пріѣхалъ.

— Вы не подумайте, что я для чего-нибудь, успокаивалъ неотвязчивый диспутантъ, мнѣ только хотѣлось бы поговорить съ вами, я вижу въ васъ сомнѣнія...

Кое-какъ отдѣлавшись отъ его допросовъ, мы вышли на улицу. Михайловъ былъ доволенъ своимъ дебютомъ. Онъ убѣдился, что его усидчивыя занятія не остались безъ результата, и что онъ пріобрѣлъ уже нѣкоторый навыкъ въ богословскихъ спорахъ. «Побѣдихомъ, побѣдихомъ», — повторялъ онъ съ веселымъ смѣхомъ, и рѣшился, не откладывая долѣе, ѣхать въ какую-нибудь раскольничью деревню.

Его останавливала лишь необходимость отбыванія воинской повинности. Солдатчина могла надолго отвлечь его отъ исполненія задуманнаго имъ предпріятія. Но ему повезло неожиданное счастье. Отправившись въ Москву и записавшись въ одномъ изъ призывныхъ участковъ, онъ вынулъ номеръ, по которому его зачислили въ запасъ и отпустили на всѣ четыре стороны. Онъ немедленно возвратился въ Саратовъ и недѣли черезъ двѣ поселился гдѣ-то среди спасовцевъ въ качествѣ «своего» (т. е. не назначеннаго отъ земства, а нанятаго самими раскольниками) учителя.

Болѣе я не встрѣчался уже съ нимъ въ Саратовѣ. Обстоятельства заставили меня вернуться въ Петербургъ, гдѣ я прожилъ всю зиму 1877 — 1878 года. Михайловъ изрѣдка сообщалъ «основному кружку» о своихъ успѣхахъ среди раскольниковъ, но письма его были довольно лаконичны и блѣдны подробностями. «Весною пріѣду разскажу болѣе», заключалъ онъ обыкновенно свои сообщенія. Мы ждали его въ срединѣ мая.

Читатель помнитъ, конечно, какими бурными событіями ознаменовалась въ Петербургѣ весна 1878 г. Стачки рабочихъ, процессъ В. И. Засуличъ, давшій поводъ къ кровавому столкновенію публики съ полиціей, демонстрація въ часть убитаго Сидорацкаго, въ которой приняли участіе люди весьма солиднаго общественнаго положенія — все это давало поводъ думать, что русское общество начинаетъ терять терпѣніе и готово серьезно протестовать противъ произвола правительства. Живя въ провинціи, Михайловъ только по газетамъ могъ слѣдить за положеніемъ дѣлъ въ Петербургѣ. Его воображеніе дополняло газетныя извѣстія, и онъ былъ убѣжденъ, что въ скоромъ времени предстоятъ еще болѣе крупныя событія. Онъ не

вытерпѣлъ и въ началѣ апрѣля уже мчался въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ тамошнихъ волненіяхъ. Надежды его, однако, не оправдались, одна ласточка не «сдѣлала весны». Энергія петербургскаго общества истощилась въ очень короткое время, газеты не дотянули начатой ими либеральной ноты, и скоро все вошло въ обычную уныло-казенную колею. Соціалистамъ оставалось только примириться съ новымъ разочарованіемъ и продолжать начатую въ народѣ работу. Махнулъ рукою на петербургскую «революцію» и Михайловъ. Онъ снова сосредоточилъ всѣ свои помыслы на революціонной дѣятельности среди раскольниковъ. Но заручившись знакомствомъ и связями въ этой средѣ, онъ, какъ организаторъ по преимуществу, не удовлетворялся уже своею прежнею ролью одинокаго наблюдателя раскольничьей жизни. Онъ стремился сорганизовать цѣлый кружокъ лицъ, знающихъ исторію раскола, начитанныхъ «отъ Писанія» и могущихъ не приспособляться только, но и приспособлять къ своимъ идаламъ окружающихъ лицъ. Онъ требовалъ отъ нашего кружка основанія особой типографіи съ славянскимъ шрифтомъ, спеціальною цѣлью которой было бы печатаніе различныхъ революціонныхъ изданій для раскольниковъ. Чтобы хоть нѣсколько подготовиться къ своей будущей роли реформатора раскола, онъ началъ усердно посѣщать Публичную Библіотеку, пользуясь каждой свободной минутой для изученія богословской литературы. Къ сожалѣнію, времени у него было очень немного. Его организаторскій талантъ дѣлалъ необходимымъ участіе его въ различныхъ революціонныхъ предпріятіяхъ, требовавшихъ иногда весьма продолжительной бѣготни. Къ этому присоединился пересмотръ программы общества «Земля и Воля» и устава его организаціи. По смыслу выработаннаго въ началѣ 1877 г. временнаго устава петербургскаго основного кружка, программа общества должна была подвергаться, если не ошибаюсь, ежегодному пересмотру съ цѣлью измѣненія или расширенія ея сообразно съ указаніями опыта. Но такъ какъ весною 1878 г. у насъ не было еще ни малѣйшаго сомнѣнія въ практичности нашей программы, то оставалось только ввести въ нее нѣсколько дополнительныхъ пунктовъ о дѣятельности въ народѣ. Не

такъ скоро покончили мы съ уставомъ. Михайловъ требовалъ радикальнаго измѣненія устава въ смыслѣ большей централизаціи революціонныхъ силъ и большей зависимости мѣстныхъ группъ отъ центра. Послѣ многихъ споровъ почти всѣ его предложенія были приняты, и ему поручено было написать проектъ новаго устава. При обсужденіи приготовленнаго имъ проекта, не малую оппозицію встрѣтилъ параграфъ, по которому членъ основного кружка обязывался исполнить всякое распоряженіе большинства своихъ товарищей, хотя бы оно и не вполнѣ соотвѣтствовало его личнымъ воззрѣніямъ. Михайловъ не могъ даже понять точки зрѣнія своихъ оппонентовъ. «Если вы приняли программу кружка, если вы сдѣлались членомъ организаціи, то въ основныхъ пунктахъ у васъ не можетъ быть разногласій съ большинствомъ ея членовъ, — повторялъ онъ съ досадой. Вы можете разойтись съ ними во взглядѣ на умѣстность и своевременность порученнаго вамъ предпріятія, но въ этомъ случаѣ вы должны подчиниться большинству голосовъ. Что касается до меня, то я сдѣлаю все, что потребуетъ отъ меня организація. Если бы меня заставили писать стихи, я не отказался бы и отъ этого, хотя и зналъ бы напередъ, что стихи выйдутъ невозможные. Личность должна подчиняться организаціи!» Въ концѣ концовъ былъ принятъ и этотъ параграфъ, съ тѣмъ, однако, добавленіемъ, что организація должна, по возможности, принимать въ соображеніе личныя наклонности различныхъ ея членовъ.

Покончивши съ уставомъ, Михайловъ снова углубился было въ изученіе раскольничьей литературы, но событія все болѣе и болѣе отклоняли его отъ избраннаго имъ пути. Большинство членовъ основного кружка предложило Михайлову отложить на неопредѣленное время дѣятельность его среди раскольниковъ и принять участіе въ организаціи нѣкоторыхъ изъ задуманныхъ тогда предпріятій. Волей-неволей ему пришлось подчиниться этому рѣшенію и оставить на время мысль о возвращеніи въ Саратовъ. Было бы неудобно разсказывать здѣсь о томъ, что именно дѣлалъ въ это время Михайловъ. Я замѣчу только, что теперь, какъ и всегда, онъ фигурировалъ, главнымъ образомъ, въ роли организатора. Такъ, напримѣръ,

осенью 1878 г. ему поручено было ѣхать въ Ростовъ на Дону съ тѣмъ, чтобы собрать свѣдѣнія о происходившихъ тогда въ Луганской станицѣ волненіяхъ и, если окажется возможнымъ, принять участіе въ движеніи козаковъ, организовавши, предварительно особую организаціонную группу изъ мѣстныхъ «радикаловъ». Михайловъ отправился по назначенію, но едва прибывши въ Ростовъ, былъ снова отозванъ въ Петербургъ, гдѣ во время его отсутствія произошли многочисленные аресты. По возвращеніи въ Петербургъ онъ нашелъ только немногіе остатки незадолго передъ тѣмъ сильнаго и прекрасно организованнаго «основного кружка». Положеніе дѣлъ было самое печальное. Оставшіеся на свободѣ члены организаціи не имѣли ни денегъ, ни паспортовъ, у нихъ не было даже возможности снестись съ провинціальными членами организаціи, такъ какъ они не знали ихъ мѣстопребыванія. Такая дезорганизація грозила, разумѣется, новыми провалами. Я помню, что пріѣхавши въ Петербургъ спустя около недѣли послѣ арестовъ, я не зналъ о нихъ рѣшительно ничего и только благодаря случайной встрѣчѣ съ однимъ изъ уцѣлѣвшихъ членовъ нашей организаціи, я не пошелъ на квартиру Малиновской, гдѣ полицейскіе хватали всякаго приходящаго. Михайловъ принялся возстановлять полуразрушенную организацію. Съ утра до вечера бѣгалъ онъ по Петербургу, доставая деньги, приготовляя паспорта, заводя новыя связи, словомъ поправляя все, что было поправимо въ нашемъ тогдашнемъ положеніи. Скоро дѣла наши пришли въ нѣкоторый порядокъ, и общество «Земля и Воля» не только не распалось, но приступило даже къ изданію своей газеты. Неутомимая дѣятельность Михайлова за этотъ періодъ времени составляетъ одну изъ самыхъ главныхъ заслугъ его по отношенію къ русскому революціонному движенію. Онъ уже окончательно теперь отказался отъ мысли возвратиться въ Саратовъ и весь отдался организаціоннымъ заботамъ.

Въ принципѣ Михайловъ по прежнему признавалъ дѣятельность въ народѣ главною задачею общества «Земля и Воля», но онъ думалъ, что при наличныхъ силахъ этого общества, нельзя было надѣяться на сколько нибудь серьезный успѣхъ въ крестьянской средѣ. «Въ

настоящую минуту намъ, находящимся въ городахъ, нечего и думать объ отъѣздѣ въ деревню — говорилъ онъ по возвращеніи изъ Ростова,—мы слишкомъ слабы для работы въ народѣ. Соберемся сначала съ силами, создадимъ крѣпкую и обширную организацію, и тогда перенесемъ центръ тяжести нашихъ усилій въ деревню. Теперь же волей-неволей приходится намъ сосредоточить свое вниманіе на городскихъ рабочихъ и учащейся молодежи». Въ то время мы были, дѣйствительно, такъ слабы, что никому изъ насъ и въ голову не приходило не соглашаться съ Михайловымъ. Порѣшивши остаться въ Петербургѣ, мы подраздѣлили дѣятельность «основного кружка» на нѣсколько различныхъ отраслей, такъ что каждому изъ насъ предстоялъ особый родъ работы. На Михайловѣ лежали, главнымъ образомъ, хозяйственныя заботы. Онъ завѣдывалъ паспортной частью, типографіей, распространеніемъ «Земли и Воли» переписывался съ провинціальными членами нашей организаціи, доставалъ и распредѣлялъ средства между различными вѣтвями кружка и т. д. Уже это одно требовало очень значительной затраты времени, но Михайловъ этимъ неограничился. Аккуратный и точный до педантизма, онъ всегда умѣлъ такъ распредѣлить свои занятія, что у него оставалось по нѣсколько свободныхъ часовъ ежедневно. Этими часами, которые, казалось бы, составляли законное время отдыха, онъ воспользовался для дѣятельности среди рабочихъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, онъ фигурировалъ, главнымъ образомъ, въ роли организатора. Не имѣя возможности лично посѣщать рабочіе кварталы, онъ старался по крайней мѣрѣ, собирать свѣдѣнія объ всемъ, что происходило въ революціонныхъ рабочихъ группахъ, снабжалъ ихъ книгами, деньгами, паспортами, а главное давалъ множество разнообразныхъ и всегда разумныхъ совѣтовъ. Кромѣ того, вращаясь среди петербургской революціонной молодежи, онъ сближался съ личностями, способными по его мнѣнію, взяться за революціонную пропаганду между рабочими, вводилъ ихъ въ занимавшуюся этимъ дѣломъ группу и способствовалъ, такимъ образомъ, расширенію послѣдней. Въ особенности сблизился онъ съ «рабочей группой» во время большой стачки въ январѣ или февралѣ 1879 года. Рабочіе фабрики Шау

и такъ называемой Новой Бумагопрядильни на Обводномъ каналѣ забастовали почти одновременно, сговорившись, черезъ посредство делегатовъ «стоять дружно» и начинать работу не иначе, какъ съ общаго согласія стачечниковъ обѣихъ фабрикъ. Болѣе 1500 человѣкъ осталось, временно, безъ всякаго заработка, а слѣдовательно и безъ всякихъ средствъ къ существованію, если не считать кредита въ мелочныхъ лавочкахъ. Кромѣ того предвидѣлось вмѣшательство полиціи и административныя расправы съ «бунтовщиками». Нужно было организовать немедленную матеріальную помощь всѣмъ стачечникамъ и обезпечить семейства арестованныхъ или высланныхъ въ особенности. Работа закипѣла. Сборы производились повсюду, гдѣ была какая нибудь надежда на успѣхъ: между рабочими, студентами, литераторами и т. д. При своихъ огромныхъ связяхъ Михайловъ часто въ одинъ день собиралъ такую сумму, какой не собирали другіе сборщики за все время стачки. Каждый день, явившись на засѣданіе «рабочей группы*) Михайловъ предъявлялъ ей довольно значительную сумму денегъ, и немедленно начиналъ самые обстоятельные распросы. Съ довольнымъ видомъ, пощипывая свою эспаньолку, выслушалъ онъ разсказы людей, сошедшихся изъ разныхъ концовъ Петербурга, занося въ свою записную книжечку всевозможныя порученія относительно паспортовъ, прокламацій, даже оружія и костюмовъ. Выработавши планъ дѣйствій на слѣдующій день собраніе расходилось, и Михайловъ спѣшилъ по какому нибудь новому дѣлу, на свиданіе съ тѣмъ или другимъ «человѣчкомъ», на собраніе какой нибудь другой группы нашего общества или самого «основного кружка».

Ал. Дм. никогда не могъ увлечься какимъ нибудь спеціальнымъ дѣломъ до забвенія, хотя бы и временнаго, другихъ отраслей революціоннаго дѣла. Каждое отдѣльное предпріятіе имѣло для него смыслъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ видѣлъ, понималъ и если можно такъ выразиться осязалъ связь его со всѣми осталь-

---

*) Изъ предыщаго изложенія читатель понялъ уже, вѣроятно, что «рабочею группою» называлось группа, спеціальною цѣлью которой была дѣятельность среди городскихъ рабочихъ; въ нее входили какъ рабочіе, такъ и «интеллигенція».

ными функціями общества «Земля и Воля». Не будучи никогда литераторомъ ни по случаю, ни по призванію, онъ не пропускалъ ни одного собранія редакціи, издававшейся тогда «Земли и Воли»: онъ не могъ быть спокоенъ, пока не зналъ состава приготовляемаго номера и содержанія каждой его статьи. Редакція до такой степени привыкла къ присутствію Михайлова на ея собраніяхъ, что часто отсрочивала ихъ, если онъ былъ чѣмъ нибудь занятъ. «Я очень люблю читать Михайлову свои статьи—говорилъ мнѣ одинъ изъ членовъ редакціи,—замѣчанія его такъ удачны, такъ мѣтки, что съ нимъ почти всегда приходится согласиться, и часто я перемѣняю весь планъ статьи, прочитавши ему черновую рукопись». Критическіе пріемы Михайлова не лишены были нѣкоторой своеобразности. Кромѣ согласія съ программой, доказательности и хорошаго слога, онъ очень цѣнилъ въ статьяхъ краткость изложенія. Какъ только на собраніяхъ редакціи приступали къ чтенію имѣющихся въ ея распоряженіи рукописей, А. Д. вынималъ часы (мимоходомъ замѣтимъ, имѣвшіе удивительное свойство останавливаться на ночь: «тоже спать хотятъ» говорилъ Михайловъ, заводя ихъ утромъ) и замѣчалъ во сколько времени можетъ быть прочитана та или другая статья. «Не торопитесь, потише, останавливалъ онъ читающаго, публика читаетъ обыкновенно медленнѣе... 25 минутъ, нѣсколько длинно... Вы бы какъ нибудь покороче: а кромѣ того я хотѣлъ вамъ замѣтить»... слѣдовали замѣчанія по существу дѣла.

Выходъ каждаго № «Земли и Воли» ознаменовывался нѣкоторымъ торжествомъ въ квартирѣ Михайлова. Тогда бывало «разрѣшеніе вина и елея». Въ маленькой комнаткѣ, нашъ «Катонъ-цензоръ», какъ называли мы его тогда, приготовлялъ скромное угощеніе. Часовъ въ девять вечера появлялись виновники торжества—члены редакціи «Земли и Воли» и начиналось «празднество». Михайловъ откупоривалъ бутылку коньяку, наливалъ изъ нея каждому по рюмкѣ и тотчасъ же запиралъ въ шкапъ. Затѣмъ выступали на сцену какая-то «рыбка» и чай съ сладкимъ печеньемъ. Спустивши штору и установивши «знакъ» для кого нибудь изъ запоздавшихъ, Михайловъ оживленно и весело бесѣдовалъ съ гостями, отдыхая отъ тревогъ и волне-

ній истекшаго мѣсяца. Эти собранія были едва-ли не единственнымъ развлеченіемъ Ал. Дм.; въ театръ онъ не могъ пойти, если бы и захотѣлъ, такъ какъ это было бы «неосторожно»: тамъ его могли узнать шпіоны; у своихъ знакомыхъ онъ оставался не долѣе, чѣмъ это требовало дѣло. Каждый вечеръ шифровалъ онъ въ своей записной книжечкѣ росписаніе предстоящихъ на завтра дѣлъ и свиданій, и ложась спать онъ долго еще ворочался въ постели, стараясь припомнить каждую мелочь. Пробуждаясь на утро онъ прежде всего бросалъ бѣглый взглядъ на маленькій клочекъ бумаги, висѣвшій надъ его кроватью и составлявшій единственное украшеніе комнаты. На этой бумажкѣ красовалось написанное крупными буквами лаконическое напоминаніе: «*Не забывай своихъ обязанностей*» Какъ мѣдный «змій» спасалъ евреевъ отъ тѣлесныхъ недуговъ, надпись эта спасала Михайлова отъ случайныхъ искушеній и слабостей: желанія проспать долѣе положеннаго времени, почитать утромъ газету и т. д. Взглянувши на эту надпись, онъ немедленно вскакивалъ съ постели, тщательно чистилъ платье, и одѣвшись «прилично», принимался за свою ежедневную бѣготню по Петербургу.

Личныхъ друзей въ обществѣ «Земля и Воля» у Михайлова было очень немного. По характеру своему онъ болѣе чѣмъ кто нибудь другой склоненъ былъ согласиться съ Прудономъ въ томъ, что «любовь есть нарушеніе общественной справедливости». Про него говорили, что онъ любитъ людей только со времени вступленія ихъ въ «основной кружокъ» и только до тѣхъ поръ, пока они состоятъ членами послѣдняго. И нельзя не согласиться, по крайней мѣрѣ съ положительной стороной этой характеристики. Къ каждому изъ своихъ товарищей онъ относился съ самою нѣжною заботливостью, хотя и не упускалъ случая сердито поворчать за неисправность или неосторожность. Несомнѣнно также, что революціонная работа до такой степени проникала собой всѣ помыслы и чувства Михайлова, что онъ не могъ полюбить человѣка иначе, какъ на «дѣлѣ» и за «дѣло». Для столкновеній съ людьми помимо этого дѣла у него просто не было времени.

Весною 1879 года совершился крутой переломъ въ

воззрѣніяхъ Михайлова. Онъ все болѣе и болѣе началъ склоняться къ такъ называемому террористическому способу дѣйствій. Переломъ этотъ произошелъ конечно, не вдругъ. Нѣкоторое время онъ не высказывался принципіально противъ старой программы, хотя не упускалъ случая замѣтить, что мы не имѣемъ и десятой доли силъ, необходимыхъ для ея выполненія. Но мало по малу, новый способъ дѣйствій выяснился для него окончательно, и когда весною 1879 г., Соловьевъ и Гольденбергъ пріѣхали въ Петербургъ, жребій былъ уже брошенъ, Михайловъ сдѣлался террористомъ. Съ этихъ поръ начинается новый періодъ его жизни, который мнѣ извѣстенъ менѣе, чѣмъ предыдущіе.

Я не знаю придется-ли мнѣ еще встрѣтиться съ Михайловымъ, послужитъ-ли онъ еще революціонному дѣлу, или погибнетъ въ каторжной тюрьмѣ*), несмотря на свой желѣзный характеръ. Но я увѣренъ, что у всѣхъ знавшихъ Михайлова, никогда не изгладится изъ памяти образъ этого человѣка, который, подобно Лермонтовскому Мцыри «зналъ *одной* лишь думы власть, *одну* но пламенную страсть»: этой думой было счастье родины, этой страстью была борьба за ея освобожденіе.

X

*) Какъ извѣстно, Михайловъ осужденъ на пожизненную каторжную работу. Это наказаніе представляетъ собою «смягченіе» первоначальнаго приговора—смертной казни «черезъ повѣшеніе».

ПОКАЗАНІЯ А. Д. МИХАЙЛОВА

I.

По дѣлу 1-го апрѣля 1879 г.

Михайловъ прежде всего заявилъ, что защищаться не намѣренъ, такъ какъ судъ лишенъ гласности и въ залу суда не допущена публика, а приметъ участіе въ судебномъ слѣдствіи лишь для того, чтобы по мѣрѣ силъ способствовать возстановленію исторической истины. Но прежде, чѣмъ давать объясненія Михайловъ потребовалъ прочтенія уличающихъ его оговорокъ Гольденберга и показаній другихъ лицъ, уже осужденныхъ по процессу 16-ти. Въ этомъ ему сначала отказали и предложили самому изложить, какъ было дѣло, довольствуясь выдержками изъ показаній, приведенными въ обвинительномъ актѣ. Но Михайловъ при такихъ условіяхъ давать объясненія отказался, мотивируя это тѣмъ, что извлеченія каждый дѣлаетъ съ своей точки зрѣнія и сообразно съ своими интересами. Такъ какъ, очевидно, и другіе подсудимые послѣ Михайлова по его примѣру стали бы отказываться давать показанія, то судьи, поговоривши между собой, уступили и прочли для одного Михайлова всѣ показанія, относящіяся къ дѣлу 5-го апрѣля.

Затѣмъ Михайловъ началъ свой разсказъ о покушеніи Соловьева.

«Въ февралѣ 1879 года Соловьевъ возвратился изъ народа съ самыми радужными воспоминаніями о немъ и съ жаждой принести для него великую жертву. Онъ задумалъ цареубійство.

До 1879 г. соц. револ. партія стремилась проводить свои идеи въ народѣ и уклонялась отъ всякой борьбы съ правительствомъ, даже и тогда, когда встрѣчала его на своемъ пути, какъ врага. Но постепенно

репрессаліи правительства обостряли враждебность отношеній къ нему партіи и довели дѣло, наконецъ, до рѣшительныхъ столкновеній. Особенно въ этомъ отношеніи повліяла погибель 70 человѣкъ въ тюрьмахъ, во время дознанія по дѣлу 193-хъ, по которому было арестовано болѣе 700 человѣкъ, а потомъ отмѣнено ходатайство суда по этому же дѣлу для 12 человѣкъ. Главнымъ виновникомъ считался Мезенцевъ, за что онъ и погибъ. Послѣ него дѣятельность Дрентельна, выразившаяся въ самыхъ широкихъ погромахъ, высылкахъ, преслѣдованіяхъ молодежи и т. д., обрушившихся на тѣ сферы, откуда партія черпаетъ новыя силы, побудили послѣднюю помѣряться съ новымъ шефомъ.

Такъ завязалась борьба съ правительствомъ, которая въ силу централизованности правительственной машины и единаго санкціонирующаго начала — неограниченной власти царя — неминуемо привела къ столкновенію съ этимъ началомъ. Такъ въ 1879 году революціонная мысль единицъ уже работала въ этомъ направленіи, и однимъ изъ такихъ былъ Соловьевъ, натура чрезвычайно глубокая, ищущая великаго дѣла, дѣла, которое бы за разъ подвинуло бы значительно впередъ къ счастью судьбу народа. Онъ видѣлъ возможность такого шага впередъ въ цареубійствѣ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, не найдя тамъ никого изъ своихъ близкихъ знакомыхъ, кромѣ меня, и зная, что я близко стою къ органу партіи «Земля и Воля», онъ открылъ мнѣ свою душу. Я въ то время не составилъ еще себѣ положительнаго мнѣнія по этому вопросу, но и моя мысль уже работала въ этомъ направленіи. Поэтому я не сталъ его разубѣждать, имѣя въ виду кромѣ того, что разъ составившееся его рѣшеніе поколебать невозможно. Мало того, я считалъ себя обязаннымъ помочь ему, если это будетъ нужно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ откровенной бесѣды, Александръ Константиновичъ (Соловьевъ) попросилъ достать ему яду. Я обѣщалъ это сдѣлать, но многочисленныя занятія помѣшали мнѣ исполнить его просьбу. Своего намѣренія совершить покушеніе Соловьевъ въ то время еще не пріурочивалъ къ опредѣленному моменту, а потому, будучи свободенъ, помогалъ мнѣ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ.

Такъ прошло болѣе мѣсяца. Совершилось удачное кропоткинское дѣло и неудачное покушеніе на Дрентельна. Страсти враждебныхъ лагерей достигли наибольшаго напряженія.

Въ серединѣ марта пріѣхалъ въ Петербургъ Гольденбергъ, нашелъ меня и Зунделевича и сообщилъ намъ о своемъ намѣреніи также итти на единоборство съ Александромъ II. Я видѣлъ, что Гольденбергъ сильно ажитированъ своимъ успѣхомъ въ Харьковѣ, но, что несмотря на это, онъ нуждается въ нѣкоторомъ давленіи, одобреніи со стороны товарищей. Узнавъ отъ него о цѣли пріѣзда, я не сталъ распространяться съ нимъ о подробностяхъ и при первомъ же случаѣ сообщилъ о немъ Соловьеву. Соловьевъ пожелалъ съ нимъ видѣться и говорить. Бесѣда должна была быть сообразно съ важностью дѣла, въ высшей степени интимна, а они одинъ другого не знали. Поэтому я, Зунделевичъ и Квятковскій сочли своимъ долгомъ быть посредниками между ними, своею близостью къ обоимъ придать встрѣчѣ характеръ задушевности и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать наши мнѣнія, которыя были далеко не безынтересны тому и другому.

И дѣйствительно, скоро состоялось нѣсколько сходокъ въ трактирахъ. Разговоры на нихъ были оживленные; теоретически вопросъ обсуждался всѣми нами, но мы — посредники — старались избѣгать давленія на тѣхъ, для кого это былъ вопросъ жизни и смерти. Мы трое въ то время еще не были приготовлены къ самопожертвованію и чувствовали это. Сознаніе такого нашего положенія между двумя обрекавшими себя отнимало у насъ всякую нравственную возможность принять участіе въ выборѣ того и другого. Мы предоставили вполнѣ избраніе ихъ свободному соглашенію.

Я не могу не сознаться, однако, что нѣсколько не довѣрялъ рѣшимости Гольденберга и глубинѣ его мотивовъ. Александру Константиновичу же я безусловно вѣрилъ и считалъ, что только такой человѣкъ можетъ возложить на свои плечи подобный подвигъ. Выяснены были совмѣстно свойства и условія необходимыя для исполнителя. Поставлено было на видъ, что необходимо избѣгать возможности дать поводъ правительству обрушиться своими репрессаліями на

какое-либо сословіе или національность. Обыкновенно правительство послѣ такихъ событій ищетъ солидарности между виновникомъ и средой, изъ которой онъ вышелъ. Съ поляка и еврея перенесли бы обвиненіе на національную вражду, и на голову цѣлыхъ милліоновъ упали бы новыя тяжести.

Соловьевъ особенно принялъ къ сердцу это соображеніе. Оно побудило его покончить дѣло безповоротнымъ рѣшеніемъ, навсегда памятными словами: «*Нѣтъ, только я удовлетворяю всѣмъ условіямъ. Мнѣ необходимо идти. Это мое дѣло. Александръ II — мой, и я его никому не уступлю.*»

Ни Гольденбергъ, ни мы не сказали ни слова. Гольденбергъ, очевидно, почувствовалъ силу нравственнаго превосходства и уступилъ безъ спора: онъ только просилъ, чтобы Соловьевъ взялъ его, какъ помощника. Но условія единоборства, при которыхъ возможно было дѣйствовать только моментально, и то, что всякое лишнее лицо могло возбудить подозрѣніе, побудило Александра Константиновича отвергнуть и это предложеніе.

Время, мѣсто и способъ совершенія покушенія помогли Соловьеву обойтись безъ всякой серьезной помощи съ нашей стороны».

Затѣмъ Дрейеръ спросилъ какое имѣлъ отношеніе Михайловъ къ устройству мины подъ Малой Садовой и къ приготовленіямъ къ царсубійству, закончившимся событіемъ 1-го марта 1881 года.

Михайловъ, сколько можно судить по иностраннымъ источникамъ, отвѣчалъ, что до его ареста на этотъ счетъ существовали разные проекты, но онъ отказывается входить въ детали по этому поводу.

«Я — сказалъ между прочимъ Михайловъ — считаю нужнымъ возстановить истину относительно послѣдствій задержанія меня 28 ноября 1880 г. и дознанія по этому поводу. Обвинительный актъ говоритъ, что уже это дознаніе обнаружило приготовленіе къ новому покушенію, выразившемуся потомъ въ дѣлѣ 1 марта.

Это совершенно невѣрно. Ни обыскъ, ни мои показанія не дали такихъ указаній. Правда у меня былъ найденъ динамитъ, но динамитъ организація имѣетъ постоянно, какъ одно изъ орудій оборонительной и

наступательной борьбы, точно также, какъ револьверы и другое оружіе. Притомъ же динамитъ найденъ у меня въ свободной формѣ, въ банкахъ, а не въ какихъ либо нужныхъ техническихъ приспособленіяхъ.

Что же касается моихъ показаній, то какъ теперь передъ вами, такъ и на дознаніи, я давалъ объясненія о себѣ лично и о партіи вообще, личность же товарищей и организаціонныя тайны я обходилъ глубокимъ молчаніемъ. Между прочимъ замѣчу, что товарищъ прокурора Добржинскій въ личныхъ бесѣдахъ со мной очень интересовался вопросомъ, приготовляетъ ли партія что-либо противъ Александра II и въ какихъ формахъ. Но я могъ удовлетворить его любопытству ужъ слишкомъ въ общемъ смыслѣ. Я ему отвѣчалъ, что погибель отдѣльныхъ лицъ не можетъ измѣнить направленіе партіи. Только новыя условія государственной и общественной жизни создадутъ и новое направленіе ея, а пріемы и способы борьбы неисчерпаемы въ той же мѣрѣ, какъ безгранична изобрѣтательность нашего ума.»

II

По дѣлу 1-го марта 1881 г.

Михайловъ: «Я — членъ партіи и организаціи «Народной Воли». Формулу, въ которую заключилъ г. обвинитель нашу партію, считаю не вѣрной, что и постараюсь доказать своими объясненіями.

«Къ лѣту 1879 г. многіе отдѣльные члены русской соц.-рев. партіи, подъ вліяніемъ условій русской жизни и репрессивнаго давленія правительства, приведены были къ мысли о необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ программахъ, до того времени руководившихъ практическою дѣятельностью партіи. Вліяніе дѣйствительности было такъ одинаково въ разныхъ мѣстностяхъ, что скоро стало чувствоваться потребность объединенія, выдвигаемаго жизнью новаго направленія. Единомысліе отдѣльныхъ членовъ различныхъ кружковъ разбросанныхъ по всей Россіи, вслѣдствіе ихъ постояннаго общенія между собою, тотчасъ же обнаружи-

лось и привело въ іюнѣ 1879 г. многихъ изъ нихъ въ Липецкъ, гдѣ и состоялся такимъ образомъ съѣздъ извѣстнаго числа членовъ соціально-революціонной партіи. Его нельзя считать общимъ съѣздомъ всей партіи, какъ то дѣлаетъ обвинительный актъ. Результаты его были также не тѣ, которые приводитъ обвинитель, основываясь на показаніяхъ Гольденберга.

На засѣданіяхъ липецкаго съѣзда, продолжавшихся отъ 17 до 21 іюня, была выработана, во-первыхъ, программа новаго направленія, во-вторыхъ, были установлены принципы и средства дѣятельности, въ-третьихъ, самый фактъ съѣзда санкціонировалъ первый моментъ существованія партіи «Народной Воли» и выдѣленіе ее изъ соціально-революціонной партіи. Программа, начерченная здѣсь, была такова.

Общей цѣлью было поставлено — *народоправленіе* —переходъ верховной власти въ руки народа, а задачей партіи — способствовать переходу и упроченію верховной власти въ рукахъ народа. Что касается средствъ, то всѣ собравшіеся единодушно высказались за предпочтительность мирной идейной борьбы, но тщетно напрягали они свои умственныя силы, чтобы найти при существующемъ строѣ какую-либо возможность легальной дѣятельности, направленной къ вышеозначенной цѣли. Такихъ путей не оказалось.

Тогда, въ силу неизбѣжной необходимости, избранъ былъ революціонный путь, намѣчены революціонныя средства. Рѣшено было начать борьбу съ правительствомъ, отрицающимъ идею народоправленія безусловно и всецѣло. Борьба должна была вестись силами партіи «Народной Воли» и ея организаціи, при желательномъ содѣйствіи народа и общества. Въ число главныхъ средствъ включено было и цареубійство, но не какъ личная месть тому или другому императору, а непремѣнно въ связи съ другими главными средствами, а именно:

1) Дѣятельность пропагаторская и агитаціонная.

2) Дѣятельность разрушительная и террористическая.

3) Организація тайныхъ обществъ и сплоченіе ихъ вокругъ центра.

4) Пріобрѣтеніе вліятельнаго положенія и связей въ администраціи, войскѣ, обществѣ и народѣ.

5) Организація и совершеніе переворота.

6) Избирательная агитація при созваніи Учредительнаго Собранія (см. програму Исполн. Комитета).

Революціонный путь постановлено было оставить, какъ только откроется возможность дѣйствовать посредствомъ свободной проповѣди, свободныхъ собраній, свободной печати.

Практически вопросъ о цареубійствѣ, вопреки утвержденію Гольденберга, на липецкомъ съѣздѣ не обсуждался, а также не было общихъ разговоровъ о ближайшихъ предпріятіяхъ противъ Александра II. Гольденбергъ придалъ совершенно невѣрную окраску всему съѣзду.

Онъ выдвигаетъ на первый планъ цареубійство. На обсужденіи практическихъ средствъ, ведущихъ къ къ нему, по его показаніямъ сосредоточивалось все вниманіе собравшихся. Причина такой характеристики опять же постоянный субъективизмъ этого умершаго свидѣтеля, усиленный въ данномъ случаѣ еще тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвела на него неудача 2 апрѣля и смерть Соловьева. Онъ былъ поглощенъ мыслью о необходимости послѣдовательнаго повторенія покушеній, для него не было другихъ цѣлей, другихъ средствъ.

Вообще надо имѣть въ виду, что мы всѣ смотрѣли на Гольденберга, какъ на преданнаго дѣлу человѣка и хорошаго исполнителя, но считали его недостаточно образованнымъ и подготовленнымъ для обсужденія общихъ програмныхъ вопросовъ. Попалъ онъ на съѣздъ случайно, по ошибкѣ, столь возможной при первыхъ шагахъ выдѣляющейся партіи. Какъ доказательство, могу привести слѣдующій фактъ. Послѣ липецкаго съѣзда, какъ вамъ извѣстно, черезъ нѣсколько дней въ Воронежѣ было общее собраніе членовъ общества «Земли и Воли». Организаціонныя правила этого общества дали возможность землевольцамъ, присутствующимъ въ Липецкѣ, провести многихъ изъ бывшихъ съ ними тамъ въ члены общества и на воронежскій съѣздъ, гдѣ также долженъ былъ обсуждаться дальнѣйшій путь дѣятельности общества. Были проведены Желябовъ, Ширяевъ и др., но по отношенію къ Гольденбергу не считали нужнымъ этого сдѣлать и такимъ образомъ спасли десятокъ людей отъ его оговоровъ.

Переданный Гольденбергомъ такъ подробно орга-

низаціонный проектъ есть отчасти его собственныя соображенія, а съ другой стороны—соображенія кого-либо изъ бывшихъ на съѣздѣ, высказанныя ему въ частныхъ, лично съ нимъ объясненіяхъ. На самомъ же дѣлѣ организація «Народной Воли» была результатомъ дѣятельности конца 1879 и начала 1880 г. Объ Исполнительномъ Комитетѣ же, руководителѣ и центрѣ организаціи «Народной Воли», я не могу ничего сказать, кромѣ того, что это учрежденіе—*неуловимое, недосягаемое.*

Дрейеръ. Значитъ, вы отрицаете то, что вы были избраны въ распорядительную комиссію?

Михайловъ. Безусловно отрицаю и утверждаю, что я только агентъ Исполнительнаго Комитета.

Такимъ образомъ послѣдствіемъ липецкаго съѣзда было выдѣленіе изъ соціально-революціонной партіи—какъ совокупности всѣхъ соціалистическихъ группъ—партіи «Народной Воли» съ опредѣленной практической программой.

Понятіе о соціально-революціонной партіи невозможно смѣшивать, какъ то дѣлаетъ г. прокуроръ въ своей формулѣ сообщества, съ партіей, а тѣмъ болѣе съ организаціей «Народной Воли». На соціально-революціонную партію ни въ какомъ случаѣ не могутъ падать правительственныя обвиненія въ стремленіи ея къ цареубійству, только потому, что оно допускается, какъ средство, партіей «Народной Воли», въ которую, должно замѣтить, вошла большая часть соціально-революціонной партіи. Поэтому ко всей соціально-революціонной партіи въ широкомъ смыслѣ нѣтъ никакихъ основаній примѣнять 241 и 249 ст. ул. о нак.

Кромѣ того, необходимо различать понятіе о партіи отъ понятія объ организаціи. Партія—это неопредѣленная группа людей единомыслящихъ, несвязанныхъ между собою никакими взаимными обязательствами. Организація же, кромѣ непремѣннаго условія единомыслія, предполагаетъ уже извѣстную замкнутость, тѣсную сплоченность и полную обязательность отношеній. Партія заключаетъ въ себѣ организацію, но послѣдняя опредѣленно ограничена и въ ней самой.

Партія, это—солидарность мысли, организація—солидарность дѣйствія.

Я утверждаю, что формулу сообщества, приведен-

ную въ обвинительномъ актѣ и соотвѣтствующія ей статьи о смертной казни можно примѣнить только къ тѣмъ, по отношенію къ которымъ будетъ доказана или ими самими признана принадлежность къ организаціи «Народной Воли».

Вотъ все, что я могу сказать вамъ, г.г. судьи, о партіи и организаціи, къ которой принадлежу.

Дрейеръ предложилъ Михайлову разсказать объ его отношеніяхъ къ Лизогубу.

Михайловъ. Дмитрій Андреевичъ Лизогубъ былъ членомъ общества «Земли и Воли», въ которомъ съ конца 1876 года до лѣта 1879 г. дѣйствовалъ и я.

Лизогубъ имѣлъ большое состояніе, простиравшееся до 150 тысячъ. Оно состояло изъ различныхъ цѣнностей: земли, лѣсовъ, крѣпостныхъ на братьевъ актовъ, векселей и другихъ бумагъ. Свободныхъ же денегъ у Лизогуба почти не было. Будучи принятъ въ члены дѣйствующаго революціоннаго общества и желая лично участвовать въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ, онъ, чтобы освободиться отъ связывающаго ему руки состоянія, совершилъ рядъ операцій, долженствующихъ все его состояніе перевести на наличные деньги. Но такое большое и однообразное состояніе сразу ликвидировать было невозможно. Самый короткій срокъ, необходимый для этого, растягивался на 4 года, отъ 1878 до 1881 включительно. Первый годъ поступленіе чистыхъ суммъ имѣло быть небольшое, приблизительно тысячъ 20, но съ каждымъ годомъ они увеличивались, и въ послѣдній 1881 г. должно было получиться 50 тысячъ. Но въ сентябрѣ 1878 г. Лизогубъ былъ арестованъ въ Одессѣ. На него палъ оговоръ Веледницкаго, состоящій въ томъ, что Лизогубъ дастъ деньги на революціонныя предпріятія и кромѣ того взялъ отъ Веледницкаго вексель въ 3 тыс., которыя последній обѣщалъ пожертвовать на дѣло соціально-революціонной партіи.

Находясь въ заключеніи Лизогубъ далъ полную довѣренность преданному ему человѣку, знающему вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе его хозяйственныхъ дѣлъ съ тѣмъ, чтобы онъ поспѣшилъ ликвидировать его состояніе. Этотъ послѣдній былъ Дриго.

Весной 1879 г., когда надо было спѣшить приведеніемъ къ концу, или по крайней мѣрѣ обезпеченіемъ

денежныхъ операцій, я встрѣтился съ Дриго, какъ рекомендованный самимъ Лизогубомъ и Зунделевичемъ представителемъ общества «Земли и Воли». Я видѣлъ, что онъ совершенно игнорируетъ наши интересы, и его самого мало безпокоитъ положеніе Лизогуба, тогда уже грозившее серьезными послѣдствіями. Онъ на словахъ старался меня успокоить, говоря, что все сообразно словамъ Лизогуба будетъ сдѣлано черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Дѣлъ же и мѣропріятій его я не видѣлъ, и онъ ихъ старался скрыть. Я его посѣтилъ въ продолженіи мая и іюня нѣсколько разъ, но никакого движенія операцій не замѣчалъ и денегъ отъ него не могъ добиться, кромѣ ничтожныхъ сотенъ. А между тѣмъ свѣдѣнія, собранныя мною въ черниговской губерніи отъ постороннихъ лицъ, разоблачили то, что онъ тщательно скрывалъ.

Я узналъ, что Дриго вошелъ въ стачку съ старшимъ братомъ Лизогуба, враждебно къ послѣднему настроеннымъ, и переводилъ вмѣстѣ съ нимъ состояніе Дмитрія Андреевича въ личную ихъ собственность. Такъ, Дриго купилъ на свое имя у старшаго брата имѣніе Довжикъ, стоимостью въ 40 т., не заплативъ ни копѣйки, но уничтоживъ многіе акты Дмитрія Лизогуба на брата. Я немедленно отправился въ Одессу, снесся съ заключеннымъ Лизогубомъ и получилъ отъ него письмо къ Дриго, уполномочивающее меня получить все состояніе. Въ письмѣ Лизогубъ настойчиво требовалъ отъ Дриго передачи мнѣ всѣхъ денежныхъ суммъ и кромѣ того обязывалъ его неуклонно дѣйствовать по моимъ указаніямъ. «Въ противномъ случаѣ, писалъ онъ, я сочту васъ вѣроломно злоупотребившимъ моей дружбой и присвоившимъ чужую собственность, на которую вы не имѣли никакого права.»

Съ этимъ письмомъ я отправился въ послѣдній разъ къ Дриго, но на этотъ разъ онъ понялъ, что для его собственнаго обезпеченія ему нужно отдѣлаться отъ меня. Съ послѣднимъ моимъ къ нему пріѣздомъ (20 іюня 1879 г.) совпала какая-то не вполнѣ разъясненная исторія.

На слѣдующій день моего пріѣзда въ Черниговъ, послѣ того, какъ я побывалъ въ городской квартирѣ Дриго и не засталъ его тамъ, онъ былъ арестованъ въ своемъ новомъ имѣніи Довжикѣ, привезенъ въ го-

родъ и сейчасъ же выпущенъ. Съ нѣкоторыми предосторожности я успѣлъ съ нимъ увидѣться, передалъ ему на словахъ содержаніе письма Лизогуба, онъ мнѣ разсказалъ, что поводомъ къ его аресту послужила телеграмма Тотлебена *«о выясненіи отношеній Лизогуба къ повѣренному Дриго»*. При этой встрѣчѣ на улицѣ мы не могли долго бесѣдовать, а потому онъ назначилъ мнѣ вечеромъ придти къ одному его знакомому, что я и исполнилъ.

Мнѣ пришлось ждать его тамъ долго. Наконецъ, явился Дриго, взволнованный и объявилъ, что къ нему пріѣзжалъ полицмейстеръ и войдя въ комнату, прямо обратился къ нему съ вопросомъ: «кто у васъ былъ сейчасъ?» На что онъ отвѣтилъ: «никого!» Передавъ мнѣ этотъ случай Дриго прибавилъ, что вопросъ относился, очевидно, ко мнѣ, и что я долженъ уѣхать. Я согласился, попросивъ Дриго предварительно придти вечеромъ на площадь противъ почтовой станціи, гдѣ я остановился, для окончательныхъ объясненій. Назначеніе этого свиданія спасло меня отъ предательства. Въ то время, когда я подъ покровомъ прекрасной лѣтней ночи, незамѣтно для постороннихъ гулялъ на пустынной загородной площади, мое вниманіе было обращено неожиданнымъ пріѣздомъ на станцію многочисленной полицейской своры. Черезъ нѣсколько минутъ все скрылось въ зданіи и экипажи были спрятаны въ отдаленіи, въ сумракѣ ночи. Это быстро пронесшееся видѣніе открыло мнѣ глаза: я видѣлъ, что преданъ и обнаруженъ. Оставшись среди ночи безъ квартиры и знакомыхъ, въ мало извѣстномъ мнѣ городѣ, я успѣлъ разыскать одного еврея извощика и выѣхалъ къ ближайшей станціи желѣзной дороги.

Предательство Дриго на этотъ разъ не удалось. Дриго пошелъ дальше. Онъ заключилъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, съ III отдѣленіемъ условіе, по которому онъ обязался способствовать разысканію извѣстныхъ ему соціалистовъ, а III отдѣленіе обѣщало оставить ему состояніе Лизогуба. Дриго старательно выполнялъ свое обязательство какъ агентъ III отдѣленія, но III отдѣленіе измѣнило ему такъ же вѣроломно, какъ онъ Лизогубу, и отдало его, по минованіи въ немъ надобности, въ руки военнаго суда, продержавъ предварительно болѣе полугода подъ арестомъ.

Завѣщаніе Александра Дмитріевича Михайлова.

16 февраля 1882 г.

Завѣщаю вамъ, братья, не расходовать силъ для насъ, но беречь ихъ отъ всякой безплодной гибели и и употреблять ихъ только въ прямомъ стремленіи къ цѣли.

Завѣщаю вамъ, братья, издать постановленія И. К. отъ приговора А и до объявленія о нашей смерти включительно (т. е. отъ 26-го августа 1879 г. до марта 1882 г.). При нихъ приложите краткую исторію дѣятельности организаціи и краткія біографіи погибшихъ членовъ ея.

Завѣщаю вамъ, братья, не посылайте слишкомъ молодыхъ людей въ борьбу на смерть. Давайте окрѣпнуть ихъ характерамъ, давайте время развить всѣ ихъ духовныя силы.

Завѣщаю вамъ, братья, установить единообразную форму дачи показаній до суда, причемъ рекомендую вамъ отказываться отъ всякихъ объясненій на дознаніи, какъ бы ясны оговоры или сыскныя свѣдѣнія не были. Это избавитъ васъ отъ многихъ ошибокъ.

Завѣщаю вамъ, братья, еще на волѣ установить знакомства съ родственниками одинъ другого, чтобы въ случаѣ ареста и заключенія, вы могли поддерживать какія-либо сношенія съ оторваннымъ товарищемъ. Этотъ пріемъ въ прямыхъ вашихъ интересахъ. Онъ сохранитъ во многихъ случаяхъ достоинство партіи на судѣ. При закрытыхъ судахъ, думаю, нѣтъ нужды отказываться отъ защитниковъ.

Завѣщаю вамъ, братья, контролировать одинъ другого во всякой практической дѣятельности, во всѣхъ мелочахъ, въ образѣ жизни. Это спасетъ васъ отъ отъ неизбѣжныхъ для каждаго отдѣльнаго человѣка, но гибельныхъ для всей организаціи, ошибокъ. Надо, чтобы контроль вошелъ въ сознаніе и принципъ, чтобы онъ пересталъ быть обиднымъ, чтобы личное самолюбіе

замолкало передъ требованіями разума. Необходимо знать всѣмъ ближайшимъ товарищамъ, какъ человѣкъ живетъ, что онъ носитъ съ собой, какъ записываетъ и что записываетъ, насколько онъ остороженъ, наблюдателенъ, находчивъ. Изучайте другъ друга. Въ этомъ сила, въ этомъ совершенство отправленій организаціи.

Завѣщаю вамъ, братья, установить строжайшія сигнальныя правила, которыя спасали бы васъ отъ повальныхъ погромовъ.

Завѣщаю вамъ, братья, заботьтесь о нравственной удовлетворенности каждаго члена организаціи. Это сохранитъ между вами миръ и любовь; это сдѣлаетъ каждаго изъ васъ счастливымъ, сдѣлаетъ навсегда памятными дни, проведенные въ вашемъ обществѣ.

Затѣмъ цѣлую васъ всѣхъ, дорогіе братья, милыя сестры, цѣлую всѣхъ по одному и крѣпко, крѣпко прижимаю къ груди, которая полна желаніемъ, страстью, воодушевляющими и васъ. Простите, не поминайте лихомъ. Если я сдѣлалъ кому-либо непріятное то, вѣрьте, не изъ личныхъ побужденій, а единственно изъ своеобразнаго пониманія нашей общей пользы и изъ свойственной характеру настойчивости.

Итакъ прощайте, дорогіе! Весь и до конца вашъ

Александръ Михайловъ.

Оглавленіе.